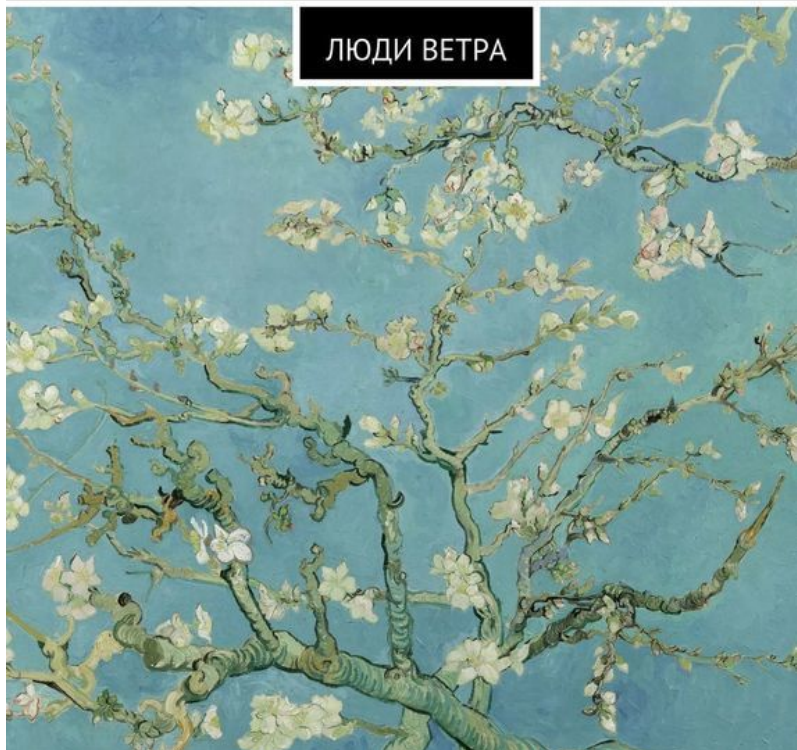


ОЛЬГА ЗАХАРИНА

Разлуки и встречи

ЛЮДИ ВЕТРА



Ольга Захарина

Разлуки и встречи. Люди ветра

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=25439947

ISBN 9785448560170

Аннотация

Это шестая история о людях ветра. Новая жизнь приносит дочери ветра радостные встречи и рвущие сердце разлуки. Как никогда ранее, ей понадобится сила, чтобы справиться со всеми испытаниями, с которыми она встретится на дорогах ветра. Может, это судьба так жестоко мстит ей, заставляя расставаться с любимыми людьми. Или всему виной упущенный шанс? Все совпадения с реальными людьми являются случайными, кроме тех случаев, когда эти реальные люди из нас, бродящих дорогами Ветра.

Содержание

Пролог	5
Часть I Шансоловка	11
1	11
2	20
3	41
4	54
Часть II Микаэль	65
1	65
2	80
3	95
4	107
5	115
Конец ознакомительного фрагмента.	117

Разлуки и встречи Люди ветра

Ольга Захарина

© Ольга Захарина, 2017

ISBN 978-5-4485-6017-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

– Что-то жарко у вас тут, – лениво заметил Маркус, откидываясь на плетеную спинку кресла.

Анариэль не стала говорить о том, что черный цвет притягивает тепло, хотя Маркус по обыкновению был одет во всё черное. Ворону эти её замечания до клюва, к тому же, день действительно выдался жарким.

– А ты закажи себе «Зимнюю ночь», вот увидишь, станет прохладно, – посоветовала девушка.

Маркус недоверчиво покосился, пробормотал нечто вроде: «вечно ты меня всякой отравой пичкаешь», но всё-таки заказал.

Через пару минут хозяйка поставила перед Вороном бокал на тонкой ножке, в котором плескалось немного жидкости цвета морской волны, причём на просвет эта жидкость оказалась непрозрачной, как будто в середине плавал кусочек темноты. Бокал был покрыт испариной, на краях застыл иней, а в воздухе над бокалом появлялись и падали на поверхность напитка маленькие снежинки.

Маркус уставился на подругу: и что это такое? Но Анариэль сидела с самым невинным выражением лица и улыбалась:

– Ты пей, пей, пока и ножка инеем не покрылась.

Мужчина вздохнул, как приговоренный к казни, и по-

слушно выпил тягучую, словно сироп, жидкость. «Зимняя ночь» оказалась сладкой, со вкусом лакрицы и приятно освежающим мятным послевкусием. Успокоенный, Ворон выдохнул, и тут же по его телу прошла волна холода, выдох вырвался изо рта облачком пара, а на ногтях и кончиках волос вспыхнули колкие белые искорки. Холод тут же прошёл, оставив после себя приятную прохладу в теле и ощущение бодрой морозной свежести вокруг.

– Даже так?

– Ну уж, Эрис големов не лепит. И это прекрасное ощущение продлится до заката, пока жара не спадёт. Правда, если ты за это время успеешь смыться в другой мир, эффект пропадёт, я проверяла.

– Наверное, у неё неплохо идёт бизнес, при таких напитках.

– Да, клиентов хватает, хотя «Зимняя ночь» всё же дорогата. Для её изготовления Эри приходится ездить зимой в горы, искать в снегу замёрзший звёздный свет. Да и с ночными ландышами, которые растут у неё на крыше немало возни. Специальный уход, чтобы они цвели минимум четыре раза в год, потом засахаривать цветы, а потом ещё и счищать лепестки. Зато в результате получаются великолепные маленькие темные шарики – кусочки ночи, собранные ландышами. Там ещё есть какие-то ингредиенты в коктейле, но эти – самые дорогие.

После смерти отца Эрис поселилась в доме, когда-то по-

строенным Фредериком, на противоположном от замка краю Октавиона. То есть, тогда это была самая окраина, но с тех пор город ещё разросся, и теперь дом находился на стыке жилых кварталов, лекарской улицы, огромного парка, в котором разместились здания высших школ, и разбросанных по склону холма угодий любителей уединенной жизни, каких в Октавионе было немного, но, всё же, находились. Дом этот был необычным даже по меркам города восьми дорог: двухэтажный домик под покатой крышей из толстого зелёного стекла напоминал по форме гриб. Его первый этаж был значительно меньше второго за счет огромных террас, одна из которых, также убранная зелёным стеклом, смотрела на парк, а вторая, открытая, на скатывающиеся к морю жилые кварталы. На обращенной к небольшой площади фасадной стороне дома также выдавалась зелёная терраса, ну а задней частью дом притулился к крутому склону холма. Лестницы на второй этаж имелись как внутри дома, так и снаружи, благодаря чему Эрис удалось разделить дом на две отдельные части. Большая часть второго и часть первого этажа была отведена под жилые комнаты, на зелёном чердаке и в подвале были кладовые и нечто вроде лаборатории, а часть дома, включая две обширные террасы, была отведена под кафе. В отличие от отца, Эрис не особо увлекалась магией, зато любила экспериментировать с различными зельями, а также, любила общаться с людьми. Серьезно поесть здесь могли только друзья хозяйки, а остальным приходи-

лось довольствоваться огромным выбором напитков, которые по своей сложности были неотличимы от зелий, и легкими закусками и необычными десертами. Меню было экзотическим, хозяйка – весёлой и дружелюбной, с террас открывались замечательные виды, так что посетителей было предостаточно, и периодически тут даже устраивались поэтические или музыкальные вечера.

Анариэль и Кристиан постоянно гостили у подруги. Вот и сейчас, вернувшись из очередного странствия по дорогам ветра, Анариэль направилась не в родной замок, не к ждущему её Нефу, а сюда, о чем не забыл вроде бы в шутку упомянуть всё подмечающий Маркус.

– Неужели твой любимый ещё не ревнует тебя к Эрис? Я бы ревновал, особенно зная, как она умеет готовить, – говорил он, щурясь от скачущих по террасе зелёных солнечных зайчиков.

– Нет, он нашёл другие цели для своей ревности, – грустно отозвалась девушка.

– Вот как? И кто же этот счастливчик?

– Их много... Нефу не нравится то, что я – хранитель. Что я постоянно ухожу по дорогам ветра в другие миры, там провожу месяцы, а то и годы по их времени, забочусь там о других людях...

– Большинство из которых – мужчины, – закончил за подругу Маркус. – Неужели он тебе не верит?

– Он старается, но... Мы всё чаще ссоримся из-за этого.

Мне кажется, он хотел бы, чтобы я была обычным человеком, – совсем расстроенным голосом добавила Анариэль.

– Старается... Любить человека ветра – тяжкий труд, а любить и ждать – вдвойне. Стараться тут бесполезно, далеко не каждому это по силам.

– Нэф не каждый, он...

– Да, я помню, – оборвал мужчину. – Он тот менестрель, который героически погиб, когда ты любила не его.

– Но он мне был как брат!

– Вот и оставался бы им. Всё лучше, чем мучиться самому и тебя мучить. Это у других «милые бранятся – только тешатся», а ты же все такие вещи воспринимаешь крайне болезненно. Потому что для обычного человека такие минуты – мелочь в их, кажущейся им такой огромной, жизни, а для тебя – мгновение твоей жизни, которое тебе потом придётся растянуть на годы и века служения. Люди совершенно не ценят текущий момент, тогда как для нас каждое «сейчас» – навсегда. Поэтому уходи сейчас.

– Я люблю его. И не думаешь же ты, что я сделаю это только потому, что ты так сказал, – с вызовом бросила девушка.

– Нет, конечно. Ты бы не была моей сестрой, если бы тебя могли убедить чьи-то слова. Но я был бы не я, если бы не попытался прекратить твою боль и вырвать тебя из той проклятой жизни, когда меня не было рядом. Ты ведь до сих пор так привязана к ней.

– Хватит, ладно? Давай сменим тему.

– Да, в общем, мне уже пора, – невесело усмехнулся на прощание Маркус, растворяясь в знойном воздухе.

– Мы с Нефом как-нибудь справимся. Шанс ведь есть всегда, – тихо произнесла Анариэль в пустое пространство, где только что сидел Маркус.

Часть I Шансоловка

1

У стойки трактира собралась весёленькая компания, собралась она давно и надолго. Лесорубы – простые ребята с простыми шутками и горой мускулов на брата. Особенно выделялся огромный конопатый детина, похожий на здоровую пуму. У детины был праздник – тридцать лет бывает ведь только раз в жизни. Спиртное текло рекой в глотки и переливалось через край.

Из угла лесного трактира за весельем наблюдала местная фея. Фея была уже в том преклонном возрасте, когда людские выходки развлекают, и начинаешь относиться к ним с пониманием – все смертны. Лесорубы не обращали на фею никакого внимания – все давно уже привыкли к ней и к тому, что временами ей нравится общество людей. В конце концов, в этом была и польза: пьяные драки при фее никогда не переходили в резню, а в лесу деревья крайне редко падали на лесорубов.

Дело было уже за полночь, когда в трактир зашла красивая девушка в мужском дорожном костюме. Чудесное сочетание пышных каштановых волос и изумрудных глаз никого не оставило бы равнодушным, а пухлые яркие губки и блед-

но-золотистая кожа лишь дополняли картину. Незнакомка прошла прямо к стойке, нет, проплыла, пролетела над грязным полом таверны намеренно грациозной походкой.

Фея в углу неодобрительно поцокала языком – от такой девицы добра не жди, вон какая могильная жуть у неё в зрачках шевелится. Но лесорубы смотрели совсем не на глаза девушки.

И конечно, конопатый новорожденный не мог пропустить мимо такую красоту. Мужской костюм и не пытался скрыть красивую фигуру девушки, а её походка и жесты просто кричали о женственности.

– Постой детка, – оригинально начал разговор здоровяк. – Спорю на поцелуй, у меня есть то, что ты ищешь.

Девушка смерила его взглядом, каким обычно смотрят на что-то неторопливо ползущее по листьям. Потом как-то странно улыбнулась и ответила:

– Действительно, у тебя есть то, что я ищу, но спорю, ты даже не знаешь ни что это такое, ни что оно у тебя есть.

– А это мы легко проверим, – радостно осклабился лесоруб, что девушка приняла его игру, такую тонкую и галантную.

Однако приятели не разделяли его радости. Один, самый трезвый, или же самый осторожный, даже попытался его отговорить:

– Ты что? Она наверняка из этих, ведающих. Вот так согласишься на спор, а потом придешь домой и окажется, что

либо жена твоя родила, либо родственник какой-то богатый умер и тебе деньги оставил. И ведь отдавать придется!

– Да брось ты, – отмахнулся именинник. – Откуда у меня богатые родственники, да и о детях, того, загодя знаешь обычно. Давай свой спор, только если я угадаю, что ты ищешь, мы сегодня проведем весёлую ночь.

Девушка всё это время надменно следила за лесорубом, не спуская с него зелёных глаз.

– Хорошо, – она улыбнулась как кошка, увидевшая выпавшего из гнезда птенца. – Сейчас мы очень просто проверим, кто из нас в выигрыше. У тебя есть то, что я ищу. Это твой шанс пережить сегодняшнюю ночь. Точнее, он у тебя БЫЛ!

Быстрым отработанным движением девушка сдернула с плеча дорожную сумку, дернула стягивающий горловину шнурок и протянула суму в сторону конопатого.

Тот, как зачарованный смотрел на потрепанную суму, внутри которой мерцал ряд неприятно острых зубов. За зубами шевелились сгустки тьмы, – это было последним, что он увидел.

Лесорубы, наконец, вышли из оцепенения, в которое их повергла реплика девушки:

– Родни, ты че застыл? Сумы никогда не видал, что ли?

Медленно, как будто огромная тяжело нагруженная телега, Родни развернулся к лесорубам. Иссиня-белое лицо именинника застыло маской смертельного ужаса. А потом мертвый лесоруб рухнул на своих друзей, будто подрубленное дерево.

В углу тихо ахнула испуганная фея:

– Матерь Мира! Настоящая шансоловка! Я-то думала, это всё бабушкины сказки.

А девушки к тому времени и след простыл.

На лесной полянке тихо журчал ручеёк, пара голубых мотыльков порхала, не столько опыляя цветочки, сколько прикидывая, как бы свести знакомство. А высоко-высоко над тёмными ветвями деревьев со светлеющего неба не спеша расходились уставшие светить звезды.

Фея даже невольно залюбовалась царящей здесь идиллией, но тут посреди полянки закрутился вихрем ветер. Мотыльки прыснули прочь, еле успев спасти свои крылышки, а вот цветочки пострадали, когда, соткавшись прямо из воздуха, на них наступили высокие сапоги. Фея вздохнула, мол, нет в жизни совершенства, и с любопытством начала разглядывать хозяина сапог. К ещё большему разочарованию феи, им оказался не хмурый выдавший виды маг, а молоденькая девушка, худенькая, симпатичная, но не более. По крайней мере, под просторным серебристым плащом и добротным дорожным костюмом подробностей было не разглядеть. Разве что лицо. Но оно было не то чтобы красивым, просто бледным, в спутанном облаке тёмных волос. Да и синие глаза не такая уж и редкость. В общем, девушка была самая обыкновенная, если не считать того, что она была человеком ветра.

– Доброго времени суток, уважаемая! – не трата времени, поздоровалась гостя. – Мое имя Анариэль, и можете сразу приступить к объяснению, зачем вы меня вызвали?

«Шустрая девочка, и сердитая. С дружком, что ли поссо-рилась?» – подумала фея, а вслух сказала:

– В нашем мире появилась активно охотящаяся шансоловка, поэтому я и попросила помощи у ветра.

– Шансоловка... а это ещё что за тварь такая?

На этот раз фея уже не сдержала разочарованного вздоха.

– Идёмте, я провожу вас в таверну, где она недавно подкрепилась одним из моих соседей-лесорубов, а по дороге я расскажу, что знаю.

Шансоловка – одна из самых древних и опасных тварей. Это вечно голодный и агрессивный сгусток пустоты, небывалого, того, у чего нет ни малейшего шанса сбыться. Когда-то, когда миры ещё творились, у шансоловок была возможность сбыться в каком-нибудь мире, или просто остаться частью пустоты. Но один из демиургов в какой-то момент позавидовал творению своего собрата, и создал существо, способное отнимать шансы. Например, шанс создать что-либо гениальное. Шансоловка была создана для одной цели – отобрать самую главную возможность врага и отдать её хозяину... Но что-то пошло не так. Тварь не хотела отдавать. Вместо этого она забрала у своего творца шанс остаться неузнанным, и разгневанный демиург уничтожил собрата, не обратив внимания на странный комок тьмы, в послед-

нюю минуту шмыгнувший в его сумку. Так появилась первая шансоловка. Со временем она стала настолько сильна, что начала приносить серьезный убыток демиургам. Они засекали тварь и нашли способ её уничтожить. Но к этому времени шансоловка успела отпочковать нескольких «деток», которых раскидала по разным мирам. Некоторых деток демиурги не смогли найти, они либо так хорошо затаились, либо успели съесть у погони шанс найти их. И время от времени в разных мирах просыпаются шансоловки. Они находят себе носителя, которому достается часть съеденных шансов, но когда носитель становится достаточно силён – его самого ожидает участь пищи для шансоловки.

Фея и девушка ветра подошли к таверне и вошли внутрь. Лесорубы давно разошлись по домам, даже хозяин не захотел оставаться в этом жутком месте и поехал в город за чаровником, чтобы очистил таверну. А на полу перед стойкой всё также спокойно лежал могучий труп.

Анариэль подошла к телу, со второй попытки смогла перевернуть его и заглянуть во всё ещё открытые, остекленевшие глаза. С минуту она неподвижно нависала над мертвым, потом её лицо позеленело, девушка резко дернулась к двери таверны, но на полпути передумала, пару раз глубоко вздохнула и, вернувшись, дрожащими пальцами опустила веки неудачливому имениннику.

– Пакость какая, – произнесла она хриплым голосом. А потом решила уточнить: – Уважаемая, что из здешнего

пойла будет самым крепким?

Фея прошла за стойку, достала из потайного, как думал трактирщик, отделения темную бутылку и налила в две маленькие рюмочки мутную зелёную жидкость.

– Корень поползня, он крепче всего, лесорубов забирает так, что с двух рюмок падают и тихо лежат бревном два дня.

Девушка и фея неторопливо подняли рюмки за упокой и резким движением выпили.

Через минуту лицо девушки сначала снова стало из зелёного бледным, а потом на нём появился лихорадочный румянец.

– Ну что, госпожа, сумеете изловить нашу шансоловку? – с надеждой осведомилась фея. Молоденькая-то она молоденькая, но все-таки человек ветра, а значит, не чета местным чаровникам, да и феям всякие разрушительные штучки плохо удаются.

Девушка задумчиво крутила в пальцах пустую рюмку. Потом резко перевернула её и поставила на стойку.

– Сумею. Не так уж трудно её прибить, главное – успеть нанести удар раньше, чем она раскроет пасть, – без особой уверенности в голосе произнесла девушка. Но потом, спохватившись, добавила: – Не беспокойтесь, уважаемая, шансоловку вашу придавят в любом случае. Я или тот, кто придёт, если моим шансом она не подавится.

Фея вздрогнула. Волшебный народец гораздо бережнее, чем люди, относился к знаниям, в том числе, к знанию о сти-

хийниках. Правила тех из них, кто странствовал по мирам, действительно не допускали незавершённых дел. Если стихийник погибал при исполнении, по его следу тут же приходил старший брат, наделённый большими полномочиями, силой, и подстёгиваемый жадой мести. Он завершал начатое. А если в процессе оказывалось, что в гибели его собрата виновны жители призвавшего его мира, то мир этот опустошался буйством стихии. Или просто переставал существовать.

– Только мне бы где переночевать. По горячему следу тут лучше не идти, – уже гораздо увереннее улыбнулась девушка.

– Так вы можете у меня погостить. Я рада буду, – обрадовалась старушка.

– Вот и хорошо. Думаю, хозяин заведения не будет против, если мы возьмем небольшую плату за то, что приберём тут, – задумчиво произнесла девушка, забрав со стойки бутылку корня и направляясь к выходу. Фея озадаченно покачав головой последовала за гостьей.

У самого порога Анариэль обернулась, небрежным жестом встряхнула левой кистью, и с её тонких пальцев бесшумно сорвалась ярко-голубая шаровая молния. Шарик не спеша подплыл к телу, с тихим влажным звуком войдя в его живот, труп вспыхнул ярким белым огнём, пару секунд в таверне пылали его раскаленные очертания, а потом на полу остался лишь тончайший слой пепла, неотличимый от пы-

ли, которой в таверне тоже было в достатке. А фея поняла, что машинально так сжала дверной косяк, что по дереву пошла тонкая трещина.

2

Утро начиналось с похмелья. Анариэль была равнодушна к спиртному, пьянела она плохо, не испытывая тех эффектов, ради которых пили другие, ведь даже тогда, когда её тело начинало путаться в собственных ногах, разум оставался трезвым, холодным и чистым клинком, полностью контролирующим ситуацию. Но вчера был особенно неудачный день. Они с Нефом опять начали ссориться, но на этот раз в самый разгар скандала Анариэль позвал ветер, и ей пришлось снова уйти, так и не помирившись. И ушла она сюда, в мир, по которому свободно бродит какая-то древняя тварь, не просто убивающая людей, а... Нет, Анариэль часто приходилось видеть смерть, её другом и братом был человек ветра, Ян, специализирующийся на смерти своих подопечных, да и сама она могла легко и быстро отправить человека на тот свет, а могла и медленно и нелегко. Но даже для неё, для человека ветра, являющегося живым примером перевоплощений и множественности жизней и миров, было страшно видеть человека, умершего навсегда, жизнь, уничтоженную практически до самого основания. Человека, у которого отобрали шанс быть, в любом его проявлении. Это её вчера и подкосило. До тошноты, до дрожи в коленях и ледяного комка в животе.

Если подумать трезво, размышляла она, стараясь унять

головную боль, то даже если шансоловка достанет её и также высосет шанс на жизнь и существование, останется та часть, которая изначально была ветром. Она будет жить в ветре, и, возможно, если ветер сочтет нужным, она когда-нибудь снова сможет возродиться в человека. Хотя ждать этого, скорее всего, придется долго. Анариэль совсем не хотелось ставить такой эксперимент.

Но в любом случае, чем бы ей это ни грозило, шансоловку необходимо уничтожить. И чем скорее, тем лучше. Пока она не научилась прятаться в других реальностях. При этой мысли к горлу девушки снова подкатила тошнота. Она поднялась с лавки и вышла на крыльцо маленького домика феи. Прохладный внутренний воздух, наполненный запахами леса, освежил её. Ветер ласково взъерошил волосы, ободряюще погладил по щеке, обернулся вокруг неё сытым котом, и снова отправился бродить по лесным тропинкам. А Анариэль тем временем заметила, что из кустов неподалеку за ней кто-то наблюдает. Этим кем-то оказался волк. Пожилой ветеран леса сначала высунул из листьев любопытный нос, а потом осторожно вышел сам. Тощий, наполовину седой, с оторванным ухом и сетью шрамов на морде, он, тем не менее, шёл уверенно и с достоинством. Подойдя к крыльцу, он заглянул в глаза рассматривающей его девушке, лениво мазнув себя по бокам седым хвостом.

Анариэль спустилась с крыльца, села на ступеньках и спокойно положила руку на голову зверя. Волки были её друзья-

ми. Конечно, звери вообще не конфликтуют с людьми ветра. В большинстве случаев они стараются просто их не замечать, но если так не получается, то готовы выполнить любое поручение стихийника. Иначе, по вполне понятным причинам, их жизнь может резко сократиться. Но с волками другой разговор. Анариэль всегда была для них «своей». Они защищали её, обязательно приветствовали, когда она появлялась на их территории. Они могли просто серой тенью стелиться вдоль дороги, по которой она проезжала, или бесшумно стоять за деревьями, наблюдая за ней, – она всё равно их чувствовала, и также здоровалась с ними. Нередко Анариэль пользовалась волками как источником информации. Вот и сейчас, старый волк безмолвно передавал ей всё, что знал о появившейся в лесу носительнице шансоловки.

Из окна домика за девушкой и волком внимательно наблюдала фея.

– И что он тебе рассказал? – принялась расспрашивать фея, когда они сели за стол.

– Рассказал про девушку, – Анариэль прикрыла глаза, мысленно совмещая образ девушки, какой её описала фея, и размытое пятно запахов и эмоций – образ, переданный ей волком. – Она – обычная девушка, не из этих мест.

– Это я и так могла тебе сказать, – фея не верила в то, что волк мог заметить что-то, чего не заметила она.

– А ещё она находится на грани безумия. Ей не нравит-

ся то, что творит шансоловка, но когда тварь хочет есть, то окружает свою носительницу таким коконом ужаса, что она покорно подыскивает новую жертву. А потом снова начинает сомневаться и осуждать себя за то, что убила очередного человека.

– И ты думаешь, что она сможет помочь тебе уничтожить шансоловку?

– Нет, конечно. Она ничего не может сделать. И если что, только усугубит ситуацию. Но теперь я, по крайней мере, понимаю, почему сюда призвали меня, Хранителя, а не какого-нибудь Палача. Девушка не так плоха, она ошиблась, запуталась, но не безнадежна. Её нельзя уничтожить до конца, так же, как шансоловка уничтожает жизни своих жертв. У неё должен остаться хотя бы один шанс.

Фея потрясенно молчала. Хранитель! Человек ветра, главной задачей которого является защита жизни подопечного, а никак не уничтожение чудовищ. И ей теперь придется как-то совместить несовместимое: убить шансоловку, при этом, не дав погибнуть её носительнице.

– Она, кстати, направилась на запад. Не подскажете, что там?

– На западе... на запад продолжается лес, с разбросанными по нему редкими деревеньками, вроде нашей. На четыре дня пути тянется лес, а потом начинаются поля. И на самой границе стоит город Силь-тэн, столица нашего королевства.

– И что ей там может понадобиться?

– Не знаю. Для меня, девочка, шансоловка такая же легенда, как для тебя, – сказала фея, забывшись, кто сидит перед ней. – Чего она хочет, к чему стремится, почему выбирает именно этого человека в жертву – это для меня загадка. Но, сдаётся мне, её нужно остановить до того, как она доберётся до города. Ты ведь можешь настигнуть её, став ветром?

– Могу. Но делать этого не буду. Нельзя чтобы с шансоловкой столкнулся ветер. Вдруг ей удастся украсть шанс ветра? И тогда ваш мир лишится одной из стихий и не проживет и пары суток.

Фея побелела как полотно, представив себе такую перспективу.

– И что же ты собираешься делать?

– Догоню девушку и постараюсь сначала вывести носительницу из строя, а потом уже как-нибудь разберусь с шансоловкой, – пожала плечами дочь ветра.

Легко сказать, размышляла Анариэль, выходя из потока ветра в двух милях позади шансоловки, «догоню и выведу из строя». Как будто шансоловка допустит, чтобы рядом с её носительницей был человек ветра. Хотя, есть один шанс. Волка шансоловка не заметила, её интересовали только люди. Красть шансы у зверья – пустая затея. Так что можно попробовать подкрасться в волчьей шкуре, решила она. Если бы на лесной дороге в это время был посторонний, он бы мог наблюдать уникальное зрелище, как девушка поднима-

ет руки, вытягиваясь в струну, с резким выдохом разводит руки, выдыхая, почти рыча, пару гортанных слов, и исчезает в невесть откуда взявшемся тумане. Туман, впрочем, очень быстро рассеялся, оставив на дороге тяжело дышащую белую волчицу. Зверь сделал несколько неуверенных шагов на подгибающихся лапах, тряхнул пушистой головой, и потрусил, уже гораздо увереннее, вглубь леса.

Через некоторое время она почувствовала неподалеку носительницу шансоловки. Звериное чутье почти не работало, только мешая, когда включалось временами. И Анариэль полагалась только на чувства воина ветра. Человек в волчьем теле был бы бессилён, как и волк в человеческом. А ветер остаётся ветром, и воин остается воином, постоянно сканирующим пространство вокруг себя. Она осторожно пробиралась поближе к дороге, буквально на каждом шагу останавливаясь и прислушиваясь, не чувствует ли шансоловка её присутствие. Тварь дремала, она распустила на пять метров вокруг себя поле, улавливающее приближение людей. На животных это поле совершенно не реагировало: ни на птиц на деревьях, ни на кошку, крадущуюся в траве по обочине дороги. И волчица подобралась ещё ближе. Теперь она могла рассмотреть девушку.

Невысокая смазливая шатенка с чудесной фигурой, она шла по дороге с абсолютно отстраненным выражением лица, вздрагивая, однако, при каждом громком звуке, который издавал лес. Та самая сума была перекинута через плечо, ни-

какого оружия, никаких личных вещей. Плащ и сапоги выглядели новыми, хоть и запыхавшимися в дороге, видимо их она украла в предыдущей деревне. Еды у неё с собой нет, расстояние между деревеньками в лесу не такое уж и большое, но человеческое тело не может идти всё время, рано или поздно ей придется устроить привал. Белая волчица, соблюдая дистанцию, не напрягаясь, сопровождала путницу, терпеливо ожидая, когда она решит остановиться.

Пару часов спустя, девушка решила отдохнуть. Она свернула с дороги на боковую тропинку, которая по счастливому случаю, привела её к небольшой полянке с родником. Разводить костер она не стала, просто села, опершись спиной на толстый ствол старого дерева, положив суму неподалеку от себя. Волчица наблюдала за этим, отмечая, как расслабляется, готовясь ко сну тело девушки, и как внимательнее становится шансоловка. Теперь уже крупному зверю не удастся подобраться поближе к носительнице. Волчица улеглась, закрыла синие глаза, и, когда девушка заснула, душа Анариэль вышла из волчьего тела и незаметно скользнула на поляну.

Как она и ожидала, шансоловка не оставляет свою жертву даже во сне, так что пытаться обезвредить её или поговорить с ней в мире снов не получится. Но есть ещё и короткий миг перехода, который для большинства магов несущественен и не познан, а для Анариэль – это тот же путь, со своими поворотами и изгибами. Вот и сейчас от тела девушки к её ушедшей в сон душе протянулись две тонкие нити: её нить

перехода и нить от сети шансоловки. Осторожно, не прикасаясь, одним взглядом Анариэль выделила нить спящей, запоминая, срисовывая в память её уникальную структуру. И пока шансоловка разбиралась, стоит ли реагировать на такое тонкое и непривычное воздействие, дочь ветра уже скрылась обратно в волчье тело, волчица проснулась и крупной рысью побежала вглубь леса.

Оказавшись на безопасном расстоянии от шансоловки, Анариэль превратилась в человека. Бегать и выслеживать волком хорошо, а вот работать с человеческой памятью в облике зверя – увольте! Так и с ума сойти недолго. Выбрав местечко, где было поменьше вылезающих на поверхность корней, она улеглась на лесную подстилку и закрыла глаза.

Конечно, было бы гораздо удобнее и проще, если бы можно было просто взглянуть в глаза носительнице шансоловки. Глаза – зеркало души, а там и до памяти недалеко. И в обычных случаях, пока очередной избранник ветра гадал, кто эта странная женщина, говорящая, что она должна охранять его жизнь, Анариэль уже знала всё его прошлое, мысли, чувства, привычки и шаблоны поведения. Всё, заботливо хранящееся в памяти. Но сейчас ей придется воспользоваться необычным трюком, который недоступен даже самым сильным магам, если они не отмечены даром памяти и талантом ветра проникать куда угодно. В темноте под веками дочери ветра проступили светящиеся очертания срисованной ею нити, она мысленно скомкала их, приказав развернуться перед ней

в зеркало. И появилось зеркало. В рост человека, в деревянной раме с едва различимой резьбой скрытой под чёрным слоем сажи. Но рама мало интересовала Анариэль, всё её внимание было сосредоточенно на холодном стекле, за которым разворачивались картины из жизни носительницы шан-соловки.

Ринза была сиротой. Единственный ребенок у родителей, до пяти лет она была центром их жизни, и вдруг осталась совсем одна. Ее взяли к себе дальние родственники матери. Но у них уже было пятеро родных детей, так что приемышу доставалась разве что жалость, вместо любви и внимания. Ринза не отличалась ни умом, ни красотой, ни силой. Она не была задирой, не была и веселушкой. И приемные братья и сестры решили, что единственное, на что она сгодится – быть мишенью для их зачастую недобрых шуток и быть всегда во всем виноватой.

Не самая оригинальная история, дети часто жестоки, и кто-то непохожий или непривычный становится изгоем, но Ринзе от этого не было легче. Довольно быстро она стала дичиться людей, в ней прочно поселились обида и зависть к тем, кто лучше её.

Когда Ринзе было одиннадцать лет, детей отправили в лес за грибами. И в какой-то момент сбор грибов превратился в обычную сцену издевательства над приёмным. Ринза убежала. Ей часто хотелось убежать, но сбежать из теплой де-

ревни во враждебный и страшный лес – одно, а бежать, куда глаза глядят – совсем другое. Когда она устала, то перешла на шаг, и все шла и шла, будто её что-то тянуло вперед, пока не дошла до руин замка.

Этот замок был разрушен несколько веков назад, и в деревне о нём рассказывали только страшные сказки. Говорили, что по руинам ночью бродят призраки. Призраков Ринза боялась, но волков она боялась больше и, не задумываясь, полезла в первый попавшийся уцелевший коридор. Какое-то время она блуждала по склизким, заросшим мхом, коридорам разрушенного замка, естественно, по тем, где были выбоины в стенах или потолке, и можно было хоть что-то увидеть, но потом она набрела на лестницу в подвал, и её потянуло спуститься вниз. Спустившись в подвал, девочка обнаружила, что потолок и стены заросли тускло светящейся плесенью так, что в её неверном свете можно было различать очертания сваленных на полу предметов, среди которых выделялся массивный, окованный железом сундук. Всем своим видом он говорил о том, что в нём лежат забытые сокровища, и девочка, не сумев устоять против соблазна, дернула за висячий замок, на который он был закрыт. К её немалому удивлению оказалось, что замок проржавел насквозь. Ринза упала с зажатым в кулаке замком, а остатки дужки сами выпали из петель. Сундук остался неподвижен. Поднявшись, девочка попыталась открыть его, и с большим трудом, с третьего раза ей удалось откинуть крышку. Но сундук оказался пуст,

только на самом дне его лежала небольшая переметная сумка. Ринза потрогала суму, та была твердой и тяжёлой, казалось, она была набита небольшими камушками и плоскими кругляшами, во что бы то ни стало, девочка решила открыть её. Повозиться пришлось долго, но, в конце концов, веревка, стягивающая горловину сумы, поддалась. Ринза развязала суму и... ничего не увидела внутри неё, голова вдруг почему-то закружилась, и она потеряла сознание.

(Прежде всего, она украла у девчонки шанс быть свободной, – отметила Анариэль.)

Очнулась Ринза на рассвете. Она сидела под деревом в лесу неподалеку от деревни. Как она там очутилась, она не помнила, но подумала, что ей наверняка влетит за то, что она не ночевала дома. И машинально вскинув зажатую в руках пустую суму на плечо, девочка побежала домой.

Старшую дочь в той семье звали Ильда. Она была старше Ринзы всего на год, но все её любили и ей всё сходило с рук. Ильда была бойкой и обещала вырасти настоящей красавицей. Её баловали старшие братья, а родители даже слушали, что она говорила. И пока старшие братья ходили на заработки, Ильда присматривала за малышкой и за Ринзой, которую считала неуклюжей дурочкой. И хотя она частенько третиговала дурочку, она единственная заволновалась, когда Ринза не пришла домой вечером. Она даже думала извиниться перед ней, но завидев, как сестра рано утром пробирается к дому с сумой, почему-то разозлилась.

– Явилась! – выпалила Ильда, подражая матери, заступив путь сестре. – Мы тут всю ночь волновались, глаз не сомкнули, а она с обновками!

Ринза замерла в растерянности:

– Какие обновки, Ильда?

– А сумку, думаешь, не вижу? Что у тебя там? У кого ты ее утащила?

Только тут Ринза вспомнила про суму, она всё также висела у нее на плече, пустая.

– Я её в лесу нашла, нету там ничего, просто сума пустая.

– Так я тебе и поверила, а ну дай сюда! – распалилась Ильда. Она сдернула с сестры суму и начала развязывать её, но тут обычно безропотная Ринза взорвалась.

– Это я её нашла! Я, а не ты! Она – моя!

Ринза отобрала суму, прижала её к груди, но Ильда успела ухватиться за стягивающую горловину веревку и рванула её на себя. Сума открылась, и Ильда замерла. Она застыла с совершенно пустыми глазами, потом моргнула, опустила руки и неуверенно посмотрела на сестру.

– Отстань от меня! – кричала Ринза. – Я не хочу, чтобы ты мной командовала! Нашёлся командир, тоже мне.

Ильда молча повернулась и какой-то деревянной походкой направилась к дому.

Ринзой она больше никогда не командовала и вообще, стала гораздо тиши и стеснительнее.

В остальном же всё текло по-старому. Правда, Ринзе на-

чали уделять больше внимания, приёмные родители начали к ней прислушиваться, а братья принимали её в свои игры. Суму девочка спрятала под своей подушкой и вскоре о ней позабыла.

Время шло, дети росли, девочки становились девушками, а парни начинали на них заглядываться. Но только не на Ринзу. А вот у Ильды отбою от парней не было. И Ринза очень ей завидовала: её красоте, её женственной фигуре, но, главное, тому, что красавец Йоханес с неё глаз не сводит. Она бы всё отдала, лишь бы Йоханес обратил на неё внимание, но его интересовала только Ильда.

И однажды Ринзе приснился сон. Ей приснилось, будто идет она к Йоханесу, а на пути у неё вдруг вырастает Ильда и начинает кричать и ругаться. А у Ринзы снова за спиной найденная сума, она её зачем-то снимает и развязывает прямо перед Ильдой. И злая Ильда вдруг становится крошечной и сваливается в открытую суму, а она затягивает веревку и продолжает идти к Йоханесу.

Сон как сон, только уж очень Ринзе хотелось в него поверить. Поэтому, когда вечером пришло время идти на поляну, где собиралась молодежь, к костру и танцам, она взяла с собой суму. Просто так.

По дороге к поляне она встретила Ильду, та шла, погруженная в какие-то свои приятные мысли, и даже не заметила сестру поначалу. А когда заметила, начала болтать о том, какой Йоханес замечательный, как он всё для неё сделает

и на руках носить будет.

– Отдай мне его! – вдруг проговорила молчавшая всю дорогу Ринза.

От неожиданности Ильда даже остановилась, а потом начала смеяться. Она смеялась, когда сестра с каким-то странным выражением лица сняла с плеч суму и начала её развязывать перед ней. А потом сума раскрылась, и Ильда замолчала, замерев на месте. Через несколько секунд она ожила и, как сомнамбула, продолжила путь к костру. А Ринза закинула за спину суму и пошла следом.

Весь тот вечер Йоханес смотрел только на Ринзу и танцевал только с ней. Расстроенная Ильда пыталась обратить его внимание на себя, о чем-то с ним заговаривала, но всё впустую. На завтра Йоханес пригласил Ринзу погулять, и она согласилась.

Теперь всё было прекрасно: Ринза гуляла с Йоханесом, а Ильде оставалось только злиться и плакать ночами, от чего она весьма подурнела. Но она не выдержала. Как-то вечером, когда Ринза собиралась на свидание, Ильда начала кричать, что не пустит её, что Йоханес должен быть только с ней, что он ей обещал, что их связывает нить, и они должны скоро пожениться. Ринза испугалась, что сестра сейчас бросится на неё с кулаками, окончательно выйдя из себя, и как потом поцарапанной и побитой показаться Йоханесу? Почти не задумываясь, она вытащила из под подушки суму и открыла её. Как и в прошлые разы, Ильда замерла. И пока она стояла

неподвижно, Ринза успела выскочить на улицу.

На следующее утро отец зашел в амбар и увидел там Ильдуду, ночью она повесилась.

(Шансоловка ещё не окрепла и не смогла забрать целую жизнь, но надежды и рассудка она девочку лишила.)

Родители сперва горевали, но вскоре успокоились.

Следующую пару лет Ринза жила как в раю. Она была самой любимой, самой главной, Йоханес её буквально на руках носил. Но потом ей стали сниться сны. В этих снах она шла к кому-то, раскрывала перед ним суму, и человек проваливался в неё, как Ильда когда-то. И когда она уже хотела так сделать и наяву, перед ней вставало посиневшее лицо мертвой сестры, и ей казалось, что это она затянула веревку на её шею. После чего ей стали сниться кошмары. Как будто сума раскрывалась перед ней, и она могла видеть сотни острых зубов по краям, и как внутри клубился мрак. Ей казалось, что если она не отдаст этому мраку кого-то другого, он поглотит её. Эти сны изводили Ринзу, и, в конце концов, она рассказала о них Йоханесу. Он был веселым и смелым, ему легко было рассказать о мучающих тебя страхах, потому что они его не задевали, он просто смеялся над ними. Йоханес также посмеялся и над этими кошмарами. Он взял из рук Ринзы легкую, пустую суму и развязал её, чтобы показать, что бояться нечего. Смех его оборвался, сума выпала из его рук, и он упал замертво. На крик и плач Ринзы прибежали родные и соседи, а девушка, ничего не соображающая от го-

ря, машинально схватила валяющуюся на земле суму и закинула на плечо.

(Так тварь отобрала первую жизнь и самую сильную привязанность своей носительницы.)

После этого случая Ринза сломалась. Она ушла из родной деревни и, путешествуя от села к селу, скармливала шансоловке случайных встречных, когда та извещала девушку о том, что голодна. Всего пару месяцев назад, убив проезжего купца, шансоловка узнала про Силь-тэн, и теперь её тянуло в столицу словно магнитом. Большой город, где живут люди, наделенные деньгами и властью, и большими шансами. Шансоловка нещадно гнала свою носительницу, доведя её до грани безумия и почти до физического истощения. Но слабое человеческое тело нуждалось в отдыхе...

Анариэль сумела из положения лежа перекатиться на четвереньки, прежде чем её вырвало. Тело содрогалось в спазмах отвращения, пытаясь вычиститься от соприкосновения с этой мерзостью. Она находилась в одном мире, в одном лесу с тварью, которая пожирала шансы людей на свободу, на счастье, на жизнь! А теперь еще и соприкоснулась с памятью души, захваченной этим живым кошмаром. Нет, такого её тело не переварило.

Иссякнув, она на ощупь оборвала с ближайшего куста охапку листьев и, убедившись, что пахнут они не ядовито, принялась зажёвывать горечь во рту. Родника поблизости

не оказалось, а идти куда-то далеко не было сил. Девушка просто переползла на подветренный край поляны и провалялась в сон.

Ей снился Октавион. Море, устье реки, зелёные склоны холмов и черные скалы. Снился город и янтарные шпили белого замка, где прошло её такое счастливое детство. И вдруг её охватил ужас: а если шансоловка однажды станет достаточно сильна, чтобы перебираться между мирами. Если в Октавион когда-нибудь вползёт эта воплощенная алчть? Если она научится, как её прародительница отбирать шансы целых миров?!

Анариэль проснулась от собственного крика. Ужас заполнял её, плескался в ней темной, удушающей волной. Во что бы то ни стало, чего бы это ей ни стоило, она должна, она обязана победить эту тварь. Иначе ей никогда больше не будет покоя от одной мысли о том, что она может добраться до её дома.

Кое-как успокоив бешено колотящееся сердце, она снова закрыла глаза, и мягкие волны сна снова унесли её вдаль.

На этот раз Анариэль оказалась в саду под ночным небом. Откуда исходит свет, она не могла понять, но ей были отчетливо видны клумбы, заросшие хризантемами, посыпанная белым гравием тропинка и пышные кусты жасмина. Хо-

тя хризантемы и жасмин ей не нужно было видеть, они источали сильный запах, смешивающийся в прохладном ночном воздухе в дивный горько-сладкий узор. Где-то неподалеку журчала по камням вода, и подавали голос птицы. Всё здесь дышало покоем и ласкало чувства Анариэль, и она не спеша шла вперед, наслаждаясь дивной ночью.

– Я рад, что тебе понравилось.

Этот голос, вроде бы знакомый, но не опознаваемый, подействовал на неё как ведро ледяной воды в жаркий день: по спине пробежала стая мурашек, кулаки стиснулись до боли, в голове зазвенело, а сердце сначала замерло, а потом принялось колотить по ребрам так, как будто хотело выпрыгнуть и броситься бежать наутёк. Анариэль замерла, рассматривая заговорившего с ней мужчину. Он стоял в десятке шагов от неё под особенно высоким и раскидистым кустом жасмина. Свет выхватывал из темноты его белые штаны, простую белую рубашку, но голова его была скрыта чернильной тенью. Большие, явно мужские кисти рук были белы, а тонкие длинные пальцы так нежны, будто говоривший никогда в жизни не занимался физическим трудом.

– Кто ты? – девушка, наконец, совладала со своим телом и смогла задать вопрос.

– Я не хочу, чтобы ты сейчас узнала это. Но я – друг. Не волнуйся, я не порождение той жуткой твари.

– Может быть, ты говоришь правду, – его голос совершенно выбивал её из колеи, и ей стоило больших усилий застав-

лять себя говорить с ним, – а может, нет. Как мне поверить тебе, если я не вижу твоего лица? Покажись, я предпочитаю знать, с кем имею дело.

– Хорошо, если таково твое желание.

Он не спеша подошёл к ней, и Анариэль увидела белые волосы до плеч, глаза цвета аметистов и красивое лицо, лицо, которое она уже не одну тысячу лет видела только в кошмарных снах.

– Санси, – выдохнула она. – Сан...

– Я хотел, чтобы цветы тебя как-то подготовили. Ты ведь всегда любила хризантемы и жасмин, как и я. Ты не забыла, – он подошел вплотную, нежно коснувшись рукой её щеки, как он делал всегда, когда был жив. – Ты ничего не забыла. А я бы хотел, чтобы ты не помнила обо мне. Я стал твоей болью, твоей мукой и слабостью, о, как бы я хотел избавить тебя от них.

– Не надо, – она легко коснулась губами его пальцев, почти ничего не видя сквозь застилающие глаза слезы. – Я не хочу тебя забывать, никогда. Сан, ты мне только снишься, или ты все-таки жив, скажи!

– Что-то вроде того. Я жив, но здесь, где я жив, людям из плоти и крови не место, так что не пытайся искать меня наяву. Я пришел к тебе во сне, чтобы помочь тебе справиться с шансоловкой.

– Но почему... почему ты не приходил раньше?

– Я не мог. Я ведь погиб тогда от рук того колдуна, и был

проклят. Я долго ещё не мог избавиться от груза этого проклятия. И только теперь я – свободен. И теперь я могу помогать тебе. Сколько же я ждал этого момента, когда снова тебя увижу...

– А почему ты не родился снова?

– Я родился и не раз с тех пор. Моё время воплощений вышло, моё место теперь здесь. Можешь считать это наградой за годы мучений, но не будем сейчас об этом, у нас мало времени. Ты уже поняла, что эту тварь так просто не убить. Она хитра и проворна, чтобы справиться с ней, тебе придется сначала вывести из строя её носительницу. С этим ты справишься, а вот дальше. Запомни, шансоловка хватает то, что наверху, что важно в данный момент. Она очень быстра, и увернуться даже у ветра не получится, но когда она проглотила шанс, ей нужно время, чтобы переварить его. В эти секунды она не сможет снова атаковать, и без помощи носительницы будет беззащитна. Тогда ты и должна ударить. Но прежде тебе придется подставить ей спину... и выжить, ты обязательно должна выжить, этот шанс тебе нельзя ей отдавать. Ну вот, ты уже еле держишься здесь, тебе пора, – мужчина притянул её к себе, крепко обнял и поцеловал в лоб. – Я люблю тебя. Любил всё это время, и буду любить всегда. Иди.

– Сан, ты же ещё приснишься мне? – она не спешила покидать его объятия.

– Обязательно, если ты останешься в живых. А теперь по-

ра.

Он отстранился, и последнее, что увидела Анариэль, была его улыбка.

3

Анариэль проснулась, когда солнце было уже высоко. Она чувствовала себя совершенно отдохнувшей и полной сил, видимо, это был ещё один маленький подарок от Санси.

Сан... От одной мысли о том, что они снова могут видеться, кружилась голова.

Санси... Совсем недавно она бы всё отдала, она пошла бы на что угодно, лишь бы быть с ним рядом, даже если ей пришлось бы отказаться от ветра. Но не теперь. Она стала другой.

С тех пор, как тот проклятый колдун убил Санси, у неё не было семьи. Были друзья и любовники, были братья по ветру. Но ветер никогда не славился теплотой и сердечностью.

А теперь у неё был Октавион, были Эрис и Крис. Был Вик, который сумел стать ей самым лучшим отцом, сумел дать ей то, чего не удавалось даже Маркусу, хотя он и знает ее несравнимо дольше. У неё появилась семья, появился дом. И она больше не чувствует того опустошающего одиночества, которое веками преследовало её. И тут даже не важно, кто они ей, эти люди. Не важно, сможет ли она, чуть что, прибежать к Эрис, пожаловаться Вику, главное – что они есть. Они текут в её крови, их голоса она слышит в своих мыслях.

И вот, у неё снова есть Санси. И её не волнует, что они

не муж и жена, что они живут в разных реальностях. Но есть связь двух сердец, которую не удалось разрушить болью и разлукой. И она наконец-то, после стольких лет, чувствует себя целой, и её счастье жить не омрачает вечно болевшая сердечная рана.

Интересно, откуда Санси столько известно про шансоловку? Судя по его словам, он эти века не цветочки в Раю нюхал. Рай, такая смешная выдумка, кочующая из мира в мир. Там всё просто и скучно: жить в непреходящей благодати как овощ на грядке. И кому-то такая перспектива действительно нравится, хотя это и бред полный, вечное, застывшее блаженство. Овощей достаточно и здесь, и тут почему-то мало кто из людей согласился бы воплотиться овощем, наверное, потому, что в конечном итоге их едят. То есть, и даже они работают, даже их труд, заключающийся в сытом покое, приносит кому-то пользу. А какая польза в зависании в Раю, Анариэль так и не смогла понять из сбивчивых рассказов обитателей разных миров. Даже окажись она сейчас в том саду вместе с Санси, даже если бы она могла остаться там с ним навсегда, они всё равно бы гарантировано нашли себе занятие и приключения на свои головы. Иначе это превратилось бы в тюрьму.

Размышляя, девушка направилась за шансоловкой.

Теперь, когда она знала всё о прошлом Ринзы, она могла временно заблокировать её, не убивая. Это было бы совсем просто, будь здесь Сильвер. Он принял бы облик Йоханеса,

и всё, дело сделано. Но Сильвера здесь нет, и как, спрашивается, ей, не приближаясь к человеку, разбудить нужные моменты его памяти?

Санси был уверен, что она справится с этим, а он никогда не ошибается.

Анариэль снова вспомнила их ночную встречу. А ведь он был прав, когда окружил её садом их любимых цветов. Несмотря на то, что воспоминания о нём причиняли ей боль, запахи, которые любили они оба, наоборот, успокаивали её и придавали ей сил. Запахи, ароматы... Анариэль мысленно начала поиск в фрагментах памяти Ринзы, и вот, у неё тоже были запахи, связанные с Йоханесом. Люди далеко ушли от зверей, но наша память всё также сильно привязана к запахам. Ни звуки, ни визуальные образы не имеют такой власти над нами. И если окружить человека определенным запахом, он тут же сконцентрируется на связанной с ним ситуации в его памяти.

Небо затянуло облаками, воздух был неподвижен, а где-то далеко ворчал гром, – воин ветра готовился к сражению и окружающий мир чувствовал это.

Анариэль устроилась на ветке дерева на достаточном расстоянии от дороги, чтобы шансоловка её не заметила. Со всем старанием она концентрировалась на дурацкой задачке о перевозе волка, козы и капусты. Решить эту задачу у неё всегда если и получалось, то с большим трудом. Чтобы

усложнить шанс и сделать его более значимым, она добавила к условиям девицу, дочку лодочника и молодого коробейника.

По обеим сторонам дороги ждали своего часа волки. Она вовсе не собиралась использовать их как прикрытие, их задача была отвлечь шансоловку, рассеять её внимание и дать необходимые воину ветра секунды.

Девушка спокойно шагала по дороге со своей страшной ношей за плечами, пока не заметила, что впереди на дороге сидит пара волков. Шансоловка насторожилась – ещё два десятка серых хищников профессионально замыкали кольцо, при этом, не выказывая признаков агрессии и держась на почтительном расстоянии. Как и предполагала Анариэль, тварь тут же начала создавать защитное поле из шанса не быть разорванной волками, но это ей и не грозило. Невесть откуда взявшийся ветерок вдруг окутал остановившуюся путницу плотной волной ароматов. Ринза вздрогнула, глаза её закрылись, как будто то, что вставало в темноте под прикрытыми веками, волновало её больше, чем окружившая стая волков. Шансоловка убила её любимого, украла её шанс на счастье, но не память. Сердце человеческое бережно хранит эту память и, при соответствующей помощи, может оживлять её. При этом человек обычно уходит вглубь себя, его перестают интересовать внешние дела, он может погрузиться в депрессию. Но тут за дело взялся стихийник с даром памяти.

Анариэль легко соскользнула с дерева и направилась к до-

роге. Волки угрожающе оскалились и зарычали, отвлекая шансоловку от замершей носительницы. Тем временем, дочь ветра вошла в кольцо волков и, стараясь не думать о беснующейся смертоносной твари, ударила по Ринзе даром памяти. Девушка вздрогнула, оживлённые запахами воспоминания любви и счастья заполнили её сознание целиком и полностью, её сердце ушло в созерцание тех далеких дней, а тело, повинувшись сердцу, превратилось в бесполезную тряпичную куклу. Когда шансоловка попыталась взять его под свое управление, тело дернулось и упало на дорогу. Девушка была прочно заключена в мире воспоминаний, так глубоко, что даже подчинившая её тварь не могла выдернуть её оттуда.

Это взбесило шансоловку. Чудовищная сума извернулась, сама соскочив с плеча падающей девушки, и зависла в воздухе, мгновенно развязавшись и уставившись на дочь ветра своей чудовищной пастью. Как и говорил Санси, увернуться она не успела. С ужасом и отвращением, переходящим в шок, Анариэль проживала, как какой-то её шанс, часть её судьбы, исчезал в глотке чудовища. Чудовище сыто замкнулось и начало переваривать шанс, готовясь к следующей атаке. И если бы Анариэль была только человеком, на том бы дело и закончилось. Но был ещё и ветер.

Воин ветра взял управление телом в свои руки, пока девушка пребывала в ступоре. Упругие потоки ветра ринулись к шансоловке, сковывая её в одном состоянии. Волки бросились врассыпную, спасая свои шкуры, потому как на до-

роге началось светопреставление. Нестерпимо яркое сияние окутало фигуры двух женщин и страшной сумы, которая в диком порыве пыталась вывернуться на изнанку, лишь бы съесть бушующие вокруг неё шансы, но ветер держал крепко. А пространство внутри сияния, тем временем, резко менялось. Чтобы уничтожить тварь, которая в потенциале способна уничтожать миры, нужен шанс ещё больший, чем она сможет вместить. И Анариэль после долгих размышлений нашла такой шанс. Силой ветра она мгновенно перенесла скованную шансоловку в эпицентр столкновения двух звёзд, сама оставаясь лишь ветром и безучастно наблюдая, как взрываются, разрушаясь на мельчайшие частицы даже атомы, как разлетаются они по Вселенной, чтобы стать чистым безразличным материалом для строения новых атомов и молекул.

Сияние прекратилось, ветер стих. От висевшей в воздухе сумы не осталось даже пепла. В пыли на дороге скорчилась в позе младенца Ринза, пребывающая в глубоком обмороке из-за разрыва связи с шансоловкой. Анариэль вздохнула и тяжело осела на дорогу. Она была выжата досуха, ей пришлось использовать свою силу воина ветра по максимуму, чтобы одновременно блокировать человека, держать шансоловку и переместить её в соответствующие пространственно-временные координаты. На ней не было ни царапины, но всё равно она ощущала себя тяжело раненой. Твари удалось-таки вырвать какой-то кусок из её жизни. И самым

мерзким было то, что она понятия не имела, что это был за шанс. Единственное, в чём она была сейчас уверена, так это в том, что это точно не был шанс на выживание и шанс решения той дурацкой задачи. Потому что, войдя в круг и ударив памятью по девчонке, её вдруг озарило решением. Это было крайне не вовремя, и кто знает, что тогда было для неё главным шансом?

Из придорожных кустов виновато выглянула пара волков. И только тогда Анариэль позволила себе потерять сознание.

До домика феи они шли два дня. Ринза ещё не пришла в себя после избавления от своей страшной ноши, но покорно шагала по дороге. Хранителю не требуется магия, чтобы убедить человека в том, что он друг и точно знает, как лучше. Анариэль же была на нуле, её не хватало ни на что, поэтому вместо того, чтобы перенестись к домику феи тропами ветра, а потом с чувством выполненного долга вернуться в Октавион, они шли пешком, незаметно сопровождаемые несколькими волками, на случай если две девушки на дороге покажутся кому-то легкой добычей. Но самоубийц рядом не оказалось. Зато им время от времени попадались сердобольные возницы, и большую часть пути им удалось проехать на их телегах.

Фея очень обрадовалась им. Даже когда Анариэль объяснила, что именно ей придется приводить в чувство и потом воспитывать искалеченную властью шансоловки Ринзу, она

не огорчилась. Подумаешь, ребенка воспитать, зато в этом мире больше нет жуткой твари, и человек ветра жив, никто не придёт по его следам мстить. Разместив девушек на ночлег в своем домике, фея отправилась гулять по ночному лесу, наслаждаясь его мирным покоем.

Анариэль снова снился тот сад. Только теперь она шла по засыпанной белым гравием дорожке вдоль весело журчащего ручья. Вот ручей завернул вглубь сада, дорожка стала шире, ещё немного, и она подошла к флигелю особняка. Стеклопанная дверь в сад была распахнута, и на пороге её ждал Санси.

– Молодец, что справилась, – одобрително улыбнулся он.

– Но она все-таки зацепила меня, и я понятия не имею, что она у меня украдала, – поделилась своими сомнениями Анариэль.

– Это не важно. Главное ей у тебя украсть не удалось. Ты жива и будешь жить и дальше, а её больше нет – это главное.

Анариэль зашла в небольшую светлую комнату. У окна стоял рабочий стол, заваленный книгами, свитками и просто листами бумаги, на стенах висели полки с книгами, под ними стояли два низких дивана. Но чувствовалось, что что-то с этой комнатой не так. Она вопросительно посмотрела на Санси.

– На самом деле мой кабинет гораздо больше. То, что ты видишь, это только часть пространства комнаты. Эту часть я

показываю гостям, чтобы не пугать их обилием полок с книгами и другими носителями информации.

– Ты превратился в книжного червя, Сан?

Мужчина засмеялся.

– Почти. Работа такая, не мечом махать, а пером.

Она подошла к нему вплотную и заглянула в аметистовые глаза:

– Сан, почему ты тут? Почему ты не воплотился снова?

Санси вздохнул.

– Потому что я нужнее здесь. Я был проклят, Ани, и все эти годы моя жизнь была жизнью проклятого. Но вот, мне удалось преодолеть проклятие, и у меня появилась возможность искупить то, что я совершил, пока находился под его властью. Ты знаешь, КАК искупают.

– То, что я вижу не похоже на то, что я знаю.

– Я уже говорил, ты не видишь всей картины. И чем дольше я тут живу, тем больше убеждаюсь, что и я вижу только часть всего замысла, доступную по моим возможностям. Ты видишь, что я спокойно живу здесь, что-то изучаю, над чем-то работаю, и понимаешь, что это только частично служба, а частично – мое личное. Но, знаешь, есть такое слово «аватар»...

– Я знаю, что это такое. Ты хочешь сказать, что часть тебя все-таки ушла в воплощение, и этому человеку как раз и придется искупать, – голос девушки звучал спокойно и жёстко.

– Ты, наверное, думаешь, что это несправедливо? – Санси

легко обнял её за плечи, также заглядывая в её глаза.

– Нет. Я знаю, как и что искупают. Со временем я поняла, что слово «несправедливость» существует только в умах пекарей и прачек. Всё в этой жизни справедливо, заслуженно, а ещё точнее – соответствующе. Конечно, парнишке не позавидуешь, но, подозреваю, у него и исходные данные должны быть хороши.

– Да, он получил всё, чтобы мог выдержать такую жизнь.

– А в нём... У него много твоего?

– Нет, ему достались какие-то мои черты, но очень маленькая часть, у меня не было выбора, что ему отдавать, – извиняющимся тоном произнес он. – Я хотел, Ани, поверь мне. Я хотел бы быть там, рядом с тобой. Я хотел бы, чтобы ты встретила там всё лучшее, что есть у меня, и была счастлива с таким моим аватаром. Я хотел бы, чтобы ты забыла, наконец, и не травила больше свою душу картинами тех дней.

– Я верю. Сан, я всё понимаю, всё-всё. Только я не хочу другого тебя. И забывать не собираюсь. Ты жив, я теперь это знаю. Я могу видеться с тобой, знать, что с тобой всё в порядке, и больше мне не нужно. Я выросла, изменилась. И то, что с нами было... Это просто было. С нами. И это больше меня не ранит. Наоборот, мне кажется, за счет этого я пришла к чему-то очень важному и необходимому мне, – она улыбалась, легко, открыто и нежно, не пряча взгляд, не тая боли в сердце, не осуждая.

Как много, как невероятно много может уместиться в од-

ном вздохе между двумя людьми. В пространстве между двумя взглядами. Как годы и века вытекают сквозь пальцы, когда рука касается руки. Они стояли там, вдвоем, живые. Выжившие в войне, которая пыталась стереть в порошок их сердца и научить их чувствовать только боль. И в эти минуты война закончилась, умерла навсегда, растаяла в промежутке между их соприкоснувшимися губами. И ветер заметал комнату белыми лепестками из сада, а они стояли, соединив, слив воедино горечь траурных белых хризантем и сладкую негу жасмина, на одну ночь, возродив из тьмы веков магию и дворцы, заповедные леса единорогов и волшебные мелодии менестрелей, ратное братство и тепло очага. Чтобы на рассвете с первыми лучами солнца всё это растаяло в их сердцах, оставив легкий отпечаток памяти с ароматом жасмина и хризантем.

Утром Анариэль наконец-то почувствовала себя в состоянии вернуться домой. Она сердечно простилась с феей, пожелала Ринзе научиться жить и получать от этого удовольствие и шагнула на тропы ветра.

Она возникла из воздуха прямо в кабинете отца. Видеть сейчас Нефа ей не хотелось, а тревожащие её сомнения были явно не для ушей Эрис.

У Винора Катарен за его долгую жизнь развилось прекрасное чувство времени, так что он вошел в кабинет, как только Анариэль появилась там.

Она рассказывала о своем приключении с шансоловкой недолго, хотя и весьма подробно. Отец не перебивал, хотя обычно он задавал вопросы и высказывал свои комментарии, не стесняясь, и это насторожило её ещё больше.

– Ты зря так переживаешь, – спокойно сказал он, выдержав паузу. – Тварь, конечно, попалась сильная, но что бы она у тебя ни украла, пропажи ты не заметишь. Она не смогла забрать у тебя жизнь, и, значит, ты будешь спокойно, насколько это вообще для тебя возможно, продолжать жить. И никто не сможет сказать, что она забрала. Даже ты. И больше тебе скажу, дочь, подавляющее большинство людей живет так, будто у каждого по крошечной шансоловке за пазухой. Они каждый день теряют какой-то важный для них шанс. По чуть-чуть, по капле, но в итоге он вытекает весь. А потом они даже не представляют, что всё могло сложиться иначе, будь у них шанс. Тебя пугает неопределенность, но ты скоро о ней забудешь – такова магия человеческой жизни. Тебя раздражает то, что в этот раз тебя уравнили с обывателями, но с этим придётся смириться. Эта твоя жизнь и так с первых дней не такая, как у других, так что хоть в чем-то быт и возьмет своё.

Анариэль задумалась, а потом сказала:

– Спасибо, отец, я не думала так. Теперь я смогу успокоиться.

Она обняла отца и отправилась к Эрис. Все-таки как мудро с её стороны было поселиться так далеко, ведь по дороге

к ней можно было вдоволь нагуляться по любимому городу. А если сделать небольшой крюк и заглянуть в порт, вообще прекрасно получится. День выдался солнечным, над головой кружили чайки, солнечные зайчики прыгали по клумбам и оконным переплётам, дергали за дверные кольца, приглашая выйти на прогулку, и играли в салочки с прохожими. Октавион жил своей обычной жизнью.

Жизнь продолжалась, но продолжение это для Анариэль было не радостным. Стоило ей встретиться с Нефом, как возобновилась их незавершённая ссора. Примириться им не удалось. Анариэль, как обычно, решила подождать, пока всё как-нибудь устроится. Но на этот раз у неё возник коварный вопрос: почему любящий мужчина даже не поинтересовался тем, что с ней произошло, и цела ли она вообще, а сразу пошёл в наступление? После встречи с Санси её чувства к Нефу не поменялись. Она всё также любила его, но усталость от бесконечных склок и слабость после поимки шансовки заставили её по-другому посмотреть на их отношения.

Получалось, что пока всё было хорошо и гладко, был мир и любовь, а как только начались препятствия и испытания – посыпались претензии. Это было обидно, но это было так. Похоже, Неф беззаветно любил только музыку. А её любил в тех случаях, когда она не доставляла ему хлопот. Анариэль вдруг поняла, что с того момента, как она впервые ушла по дорогам ветра, их любовь напоминает театр одного актёра. При этом, у Нефа были способности и, если бы он захотел, он мог бы перейти в другой мир вместе с ней, если уж так волновался. Но он об этом ни разу не упомянул. По всему выходило, что её жизнь обязана сосредоточиться на нём, как и было раньше, а он тогда сможет спокойно творить и мило-

ство принимать её внимание и заботу.

Осознание этого повергло Анариэль в шок. Её воздушный замок таял на глазах. А когда Неф в один прекрасный день вдруг сказал ей, что понял, что она использует его в качестве подушки между своими путешествиями, и это вовсе не любовь, все её мечты разом лопнули.

Это был взрыв, удар в спину. Как будто само сердце разорвалось в груди. Она полумертвым языком объяснила, что на этом их отношения можно считать завершёнными, выслушала тираду о том, что это он уходит, на негнущихся ногах добрела до Эрис и только там почувствовала физическую боль своего разбитого сердца.

Но первая любовь вещь упрямая, она не желает заканчиваться. Депрессия не заставила себя ждать, а вместе с нею пришел ворох сомнений и сожалений. Ведь было же всё хорошо, так, может быть, вернее будет попытаться всё вернуть, любой ценой. И временами ей действительно казалось, что так будет лучше. Но стоило задать себе встречный вопрос: «Лучше для кого?» – и наваждение исчезало.

Дни утекали из рук, а ветер всё не звал в дорогу. Анариэль хотелось с головой нырнуть в работу, отвлечься, забыть, но не получалось. По правде сказать, с «забыть» у неё всегда были проблемы. И, вроде, не первая жизнь, не первое разбитое сердце, но, казалось, что так больно и муторно ещё не было. Маркус где-то пропадал, и даже Санси не приходил к ней во сне, а они как раз могли бы помочь ей разобраться

в себе. Отец воспринимал эту ситуацию как неизбежность, а Эрис и Кристиан слишком мало знали её, чтобы увидеть выход там, где не видела она.

Неф же, казалось, продолжал жить совершенно спокойно. Он ни разу не предпринял попытки её вернуть, извиниться, да, хотя бы, просто заговорить первым. И это ещё сильнее ранило. Она же не могла себе простить, что порвала с мужчиной, который сначала стал ей лучшим другом, а затем – первым любовником. Ведь он был её радостью и поддержкой долгие годы, и казалось, лучше и быть не может, а теперь она его почти... ненавидела.

Анариэль удавалось отвлечься только во сне. Кроме её привычных снов у неё появился ещё один, весьма странный, но снящийся ей чаще всего. В этом сне Анариэль создавала, строила из полупрозрачных каменных блоков какое-то здание. Сначала было совершенно непонятно, что это будет, но по мере того, как росли стены, становилось ясно, что это храм. Небольшое легкое здание с тонкими стенами, стрельчатыми окнами и паутиной изящных переборок вставало перед её глазами, хотя ни в одной из жизней ей не приходилось строить.

А днём снова начиналась каторга сомнений и сожалений, постоянного перебора ушедших дней счастья, как вечных четок. И конца и края этому не было видно. Единственной радостью девушки в те дни был Октавион, где, казалось, даже камни мостовой гладили её подошвы и шептали слова

утешения. Анариэль чувствовала поддержку не только друзей, но и города. И, наверное, именно поэтому смогло произойти такое невероятное событие.

Анариэль снился залитый лунным светом город. Темные улицы и посеребренные очертания домов, белёсая трава и цветы, бледные светлячки, кружащие вокруг напоминающих сплетения теней деревьев. Она шла по улицам этого незнакомого города мимо призрачных прохожих, под ночным небом, полным звёзд, но без луны. Иногда её путь пересекали чернильные, с гораздо более четкими очертаниями, чем встречные люди, тени. Чутье подсказывало Анариэль, что наступать на них ни в коем случае нельзя, и приходилось их обходить стороной, а где-то и перепрыгивать. И ещё тут царила тишина. Такая плотная, бархатная, что не было слышно даже звука шагов. Только то и дело доносился тихий хрустальный звон, как будто это город тихо шевелился во сне, и звенели серебристые стены домов.

Она долго шла по перепутанным улицам, пока не почувствовала, что дошла. Подняв глаза, Анариэль увидела лёгкий, упирающийся тонкими шпилями в небо, храм. Невесомые стены, узорчатые переплёты окон, кружево переборок, мучительно острые башни, – всё это было так знакомо ей, ведь она много ночей подряд строила это здание. Внутри было светло и пусто. Мраморный с сверкающими серебряными прожилками пол охлаждал ноги. Анариэль улеглась прямо

на него, глядя в потолок, и почувствовала, что очень устала, что хочет уснуть здесь навсегда, чтобы вместе с ней уснула в этих стенах её тоска. А когда придет утро, солнечные острые лучи сотрут сотканный из лунного света город, вместе с ней и её болью.

Через какое-то время она почувствовала, как солнце бьёт по натянутой коже век, и решила открыть глаза. Она всё также лежала на холодном каменном полу построенного ею храма, только он, казалось, обрел плоть. Белый камень стен, изрезанный кружевом узоров, белый камень пола с золотистыми и розовыми прожилками, и солнечный цвет, разукрашенный как радуга витражами окон. Такой красоты в её сне не было, кроме того, она не чувствовала, что спит. Её тело было здесь, в храме, и храм этот, хоть и пустой, был совершенно реальным. Анариэль села, чтобы получше оглядеться, и увидела, как открывается входная дверь. Через пару мгновений в неё осторожно вошел Кристиан и замер, увидев подругу, сидящую на полу посреди пустого здания.

– Крис, а ты как сюда попал, и что это за мир? – удивленно спросила она.

– Зашёл с улицы, – не менее удивленно отозвался клирик. Он, вообще-то не был склонен к проявлению эмоций, но на этот раз всё, что он чувствовал, было огромными буквами написано у него на лице. – Я почувствовал, что произошло что-то странное, и решил прогуляться по городу. И не ошибся: на углу Золотой улицы и улицы Вискерин по-

явился этот храм. Как будто он всегда здесь был, хотя ещё вчера его тут не стояло.

– Бред какой-то. А дома?

– Подвинулись! Как птицы на ветке. Палисадники и дворики стали чуть меньше, но жители, я полагаю, этого даже не заметили. Судя по их спокойствию, они считают, что ничего не изменилось.

– Хочешь сказать, что посреди Октавиона выросло здание, а этого никто, кроме тебя не заметил?

– Именно. Великолепный трюк, я преклоняюсь пред твоим талантом.

– Да я-то тут при чём? Мне просто снились странные сны, как я строю это здание, а потом я зашла в него в другом своем сне, легла на пол и проснулась тут. Я ничего не сделала.

Это было крайне редкое зрелище. Кристиан, холодный клирик с вытравленными эмоциями, хохотал. Он смеялся так, что звенели стекла, долго, искренне и совершенно непонятно, над чем.

– Ты невозможна, – отсмеявшись, севшим голосом, начал говорить он. – Ты подарила Октавиону храм, который возвела силою своей души и наполнила любовью к этому городу. Ты смогла, походя, впихнуть его в существующий порядок вещей, и ещё говоришь, что ты здесь абсолютно ни при чём. Анариэль, не пытайся обмануть себя, это целиком и полностью твоё творение, твой подарок городу восьми дорог.

– Но разве такое возможно? – в её голове эта мысль никак

не умещалась.

– Возможно, раз тебе это удалось. А как – этого я не знаю, но очень хочу выяснить, так что, считай, что смотритель у этого храма уже есть.

– Ну да, как же клирик и без церкви. Ради тебя, небось, и старалась. Только вот, я думала, что всё случится наоборот, – задумчиво произнесла девушка.

– Что наоборот, объясни, пожалуйста.

И Анариэль рассказала про свою ночную прогулку по призрачному городу и про невесёлые мысли, которые пришли к ней, когда она решила уснуть в призрачном храме.

– Я слышал о таких городах, – тихо проговорил Крис. – Они действительно опасны для путешественников, и если заснуть в таком городе, то, говорят, умрёшь. Но точно этого никто не знает, потому что даже те, кто просто оставались в таких городах до утра, исчезали бесследно. А уж спали они при этом или нет, свидетелей не нашлось.

– А у тебя, выходит, получилось с точность до наоборот, – помолчав, продолжил клирик.

Он помог девушке подняться на ноги и, поддерживая её, повёл к выходу:

– Пойдем, похвастаешься отцу своим творением, нечего весь день валяться на мраморном полу.

Итак, в Октавионе появилась ещё одна легенда – бело-стенный, устремленный в небо, храм с чудесными витража-

ми и гуляющим под сводами хрустальным перезвоном. Как и предполагал Крис, только несколько человек в городе заметили его внезапное возникновение. Для всех остальных – этот храм был возведён волшебством леди Анариэль в память о первом маге Фредерике Вискерине в первую годовщину его смерти.

Однако жизнь самой Анариэль от этого веселее не стала. Она чувствовала себя ужасно. Или, по крайней мере, знала, что должна себя так чувствовать. В груди ныла пустота. Какая-то часть её души все ещё бурно оплакивала светлое прошлое и предлагала вернуться. Вернуться к кому? К человеку, которого больше нет? Или к тому, кто на поверку оказался ничем не лучше миллионов, а может и похуже некоторых. К тому, кто предал её любовь? Эти мысли снова и снова роились в голове девушки, как и вчера, и позавчера, и месяц назад. Ей никак не удавалось забыть и отрешиться от этого.

Ей всё чаще приходило в голову, что хоть она и сумела подарить Октавиону чудесный храм, часть её умерла, а часть – сбежала в это самое невероятное здание. Обычно весёлая и жизнерадостная, она напоминала ангела печали. Вот и сейчас, сидя на балконе в доме Эрис, она замерла, уставившись в одну точку, как будто рассматривала что-то внутри себя, и Эрис в который раз захотелось писать с неё аллегорию печали.

В двадцать пять лет Анариэль выглядела на все свои восемнадцать, и она явно не собиралась прощаться с этим

внешним возрастом. Эрис тоже выглядела младше своих лет, из их компании только Кристиан озаботился повзрослеть, но девушки подозревали, что он сделал это специально, для пущей солидности.

– О чём задумалась, о, луноликая, – язвительно поинтересовалась рыжая Эрис.

Дело в том, что благородные мужи соседних государств всё также считали Анариэль завидной невестой и периодически слали ей романтические письма. Письма эти обычно читали втроем, озвучивая на разные голоса самые впечатляющие пассажи, а потом девушки то и дело подкалывали друг друга наиболее цветистыми обращениями оттуда. И при сочетании с эффектом неожиданности они были подобны уша-ту ледяной воды.

Вот и сейчас, Анариэль мгновенно ожила, тряхнула волнистыми прядями серебристых волос, хрустнула тонкими пальцами, разминая кисти рук, и после этого соизволила ответить.

– Мне сегодня снился необычный сон.

– Опять трудилась, не покладая рук? – оживился сидящий рядом Кристиан.

– Не угадал. Я давно не бывала на перекрестках линий судеб. И вот, видишь ли, сегодня ночью один такой перекресток сам лёг мне под ноги, – она снова замолчала, её темно-синие глаза сосредоточенно рассматривали что-то в кружке янтарного чая. Друзья не торопили, чувствуя, что

сегодня в её ставшей привычной какофонии чувств и мыслей появились новые голоса.

– Я уже тысячу лет не читала линии судеб и решила попрактиковаться, раз выдался повод. И у меня получилось, даже больше, я не просто прочитала их. Я услышала их, они заиграли в унисон, и я услышала их песню, – девушка передернула плечами под просторной серебряной блузой.

– Бред какой-то. Мотив простой, стихи паршивые, Неф бы за такое из дома выгнал, не к ночи будь помянут. Но теперь у меня появились нехорошие предчувствия, что всё «самое веселое» только начинается. К тому же, сегодня я почувствовала, что меня зовёт ветер. Зов пока что слаб и не определённый, но это значит, что я снова могу ступить на тропы ветра и унести... да куда угодно унести, лишь бы перестать страдать от разрыва с Нефом, – она говорила это твердо и даже сердито. И друзья ни на секунду не сомневались, что как только закончится их чаепитие, она уйдёт, может быть, даже прямо с этого балкона, в ветер. И кто знает, что она в таком настроении найдёт на его дорогах.

– Что за стихи-то? – Эрис твердо знала, что этот вопрос она может задать без явного риска для жизни.

– Я же говорю, бред, – отмахнулась Анариэль, и тихо, почти шёпотом, прочитала:

Его ты встретила случайно,
Он незнакомый, молодой,

Он режет белыми путями
Отрезок века золотой.
Его глаза не ищут встречи,
Ведь ты нужна ему одна.
Ты знаешь бархатные речи,
Но он возьмёт тебя до дна.
Твой яд его погубит нежно,
И горький мед в твоей крови
Захватит жизнь его в безбрежный
И вечно юный шторм любви,
Той, что не ведает преграды,
Разлук и бед сметает пыль.
Его узнаешь ты по взгляду,
Твою мечту вписавшем в быль.
Вам будет многое дано...

Часть II Микаэль

1

«Удивительно, как слабы и жалки люди»¹, – в тон песне, играющей в магнитоле, размышлял Микаэль. За тонированными стеклами его автомобиля разгорался летний закат, огненными бликами ложась на руки и лицо мужчины, окрашивая красными искрами чёрные пряди его волос. Отблески заката превращали всегда спокойное, даже холодное лицо в маску демона или божества огня, так оно было красиво. Он был одет в пошитый на заказ классический чёрный костюм. Тонкие пальцы рук спокойно и уверенно лежали на руле прекрасной машины, черной молнией скользящей по улицам мегаполиса. Но в глазах молодого мужчины застыли скука и разочарование, как будто он всё познал в этом мире, и больше не видит в жизни никакого интереса. Увидь его в этот момент человек религиозный, непременно принял бы за Лукавого, настолько остро и неестественно было сочетание внешней красоты и роскоши и пустоты взгляда. Также резко контрастировали белизна кожи мужчины и рдеющие на ней солнечные пятна. Но людей религиозных рядом

¹ «Нефелим», Канцлер Ги

не случилось, а сам Микаэль давно уже не обращал на такие вещи внимания.

Необычным для своей Родины именем он был обязан деду-путешественнику, осевшему в этой бескрайней стране после сорока лет странствий по всему свету. Тогда это его решение казалось безумием. Было ясно, что здесь с радостью примут ученого с мировым именем, но вряд ли разрешат выехать даже на короткий срок. Так и вышло, но деда это вполне устроило.

Он получил в своё распоряжение не много не мало, а шестую часть суши и полную поддержку своих исследований местными тоталитарными властями. Он понимал, что даже самой длинной жизни не хватит, чтобы в полной мере изучить очарование этой древней земли, обычаи и предания всех её народов, тайны, сокрытые в глухих лесах и могучих горных массивах. Масштаб, разнообразие и необузданность просторов пленили путешественника, поэтому он, не задумываясь, променял свою свободу на возможность ходить по этой благословенной земле. И земля ответила ему взаимностью, – здесь он встретил женщину, в которую, неожиданно для себя, влюбился пылко и на всю жизнь, чего раньше за ним не водилось. Более того, он даже женился, хотя и думал, что умрёт холостяком. Однако бабушка Микаэля в юности была так хороша, что один её взгляд был способен любого самого закоренелого холостяка заставить мечтать о семейном очаге. Сказочно красивая, умная и артистичная, она

сводила мужчин с ума, оставаясь недотрогой, но уступила напору и страсти немолодого уже Микаэля Элькано, связав с ним свою жизнь.

Элькано не был чужд гордыни и благосклонно принимал все почести и славу, расточаемые ему хозяевами его новой Родины. Однако благами своего привилегированного положения он почти не пользовался, его жена и сын жили в необычном по тем временам достатке и комфорте, он же всё время проводил в экспедициях. Хотя и домой путешественник возвращался как на праздник, ведь там его ждали любимая жена и подрастающий сын. А потом он снова пропал в непроходимых лесах, бескрайних степях. Когда же погода и возраст ополчались на него, он сидел в архивах, разыскивая следы одному ему известных древних тайн этой земли.

Годы шли, сын подрастал, изредка видя отца. Мать, всем сердцем любившая ребенка, старалась как-то компенсировать ему нехватку отцовского внимания, тем более что сам Элькано умел обходиться с женщинами, но совершенно не умел общаться с детьми. Наверное, поэтому, когда мальчик вырос, выяснилось, что синие дали его не манили. Наследник путешественника больше интересовался ровными колонками цифр, курсами, котировками и прочими эфемерными вещами с зубодробительными названиями, которых горячему Элькано было не понять. Он только хмурил брови и почти не разговаривал с сыном в свои редкие приезды

домой, понимая, что насильно дорогу не полюбишь, и что, видимо, он всё-таки исчерпал свой запас удачи, вот на сына и не хватило.

В один из визитов к семейному очагу, сын познакомил отца со своей невестой. И, хотя издавна известно, что сын выбирает себе жену, похожую на его мать, эта девушка на хозяйку дома была похожа только своей красотой, внутренне же они разнились как день и ночь. Патриарх в очередной раз нахмурился, но перечить сыну не стал. Он сразу оценил свою будущую невестку и понял, что его сыну с ней придется несладко. Но тут уж ничего не поделаешь, сам выбрал такую, а вот внуков необходимо было обеспечить и как-то защитить от такой матери. Поэтому глава семьи вынес свой вердикт, что на семейную жизнь парень сможет заработать и сам, а всё состояние он завещает внуку, когда тот родится. При этих словах невеста слегка погрузтелла, видно было, что детей она не хочет, но теперь деваться некуда, ибо от детей зависело её будущее благополучие, а в силы своего жениха она верила мало.

Сразу после пышной свадьбы дед уехал в свою последнюю экспедицию. Полгода пронеслись незаметно и на крыльях седьмого месяца в маленький приморский городок, где он остановился, прилетело письмо с радостной вестью из дома. Любимая жена писала, что сноха беременна, и, хотя, переносит своё положение она нелегко, врачи уверяют, что первенец родится в срок и здоровым. Дед просиял, не отклады-

вая в долгий ящик, написал ответ, в котором подтверждал своё завещание и слал горячий привет жене и будущему внуку. Ближайшие несколько дней маленький городок гулял, празднуя вместе с экспедицией. А потом пришло время уходить в горы. И через месяц домой пришло еще одно письмо, о нежданно сошедшей лавине.

Тела так и не нашли, а когда родился мальчик, его с молчаливого благословения матери решили назвать в честь деда, Микаэль. Как потом оказалось, по наследству от деда ему передалось не только имя и состояние, но и неутомимый характер. Впрочем, за свое более чем обеспеченное и весьма одинокое детство, мальчик обогнал деда в некоторых дурных его чертах, а наследную любознательность направил в другое русло.

Свою мать Микаэль почти не знал. Это была женщина красоты редкой, тонкая, чувствительная натура, весьма неуравновешенная. Здоровье её, хрупкое с детства, после рождения ребенка превратилось в череду сменяющих друг друга болезней. Всё свое время она проводила в лечебницах и на курортах, пытаясь не столько закалить здоровье, сколько вернуть поблекшую красоту и хорошо провести время в интересной компании. Мальчика она оставляла на воспитание нянькам и бабушке. Возиться с ребенком ей было не интересно, ей хотелось блистать в обществе и жить настолько легко и ярко, насколько это позволяли деньги мужа, который её

боготворил. В те редкие дни, которые она проводила в обществе свекрови и сына, она была требовательна и капризна, становясь таким домашним идиолом. Она благосклонно принимала заботу и внимание близких, если они ей не докучали, умели её развлечь и были достаточно тактичны. Если же ей чем-то угодить не могли, тихий дом сотрясался от скандалов и истерик. Если её общество и было полезным для ребенка, то только в смысле обучения светским манерам и закалки характера.

Отец Микаэля, всю свою жизнь посвящал созданию денег из воздуха, что у него превосходно выходило. Он не был бездельником и трудился на своем финансовом поприще как проклятый. Своё свободное время он предпочитал проводить активно, где-нибудь в горах или на море, занимаясь всевозможными видами спорта и подспудно пытаясь понять своего отца с помощью этих побегов на природу. К жене он относился как к редкой ледяной скульптуре, оберегая её чрезмерно и выполняя любые её прихоти. Но, поскольку она не считала его интересным спутником, виделись они не часто. И уж совсем редкие дни он проводил со своей стареющей матерью и сыном, с которым, как и его отец, не очень хорошо умел общаться.

Поневоле, Мику пришлось много читать, благо, дома была обширная библиотека, собранная родителями матери и бабушкой. Желая восполнить отсутствие в своей жизни матери, Мик особое внимание уделял её вкладу в библиотеку.

Это был весьма своеобразный вклад: литература, посвященная магии и целительству, предсказаниям будущего и ясно-видению. Никогда ничем всерьез не увлекавшаяся, поверхностная и легкомысленная, она всегда следовала моде того общества, которое считала высшим светом. А в моде для барышень из высшего общества тогда было увлечение оккультизмом, запретные книги йогов и эзотериков, поиски философского камня ради таинственности и создания видимости высокой культуры. Однако не иметь в библиотеке трудов известнейших философов всех времен и направлений, а также мастодонтов психологии, считалось неприличным. И эти книги также пылились на полках, пока до них не добрался всепоглощающий интерес ребенка. Такое сочетание обуславливало довольно странное развитие его подрастающего ума.

Бабушка, давно смирившаяся с вечным ожиданием любимых мужчин, всю свою нежность и заботу перенесла на внука. Она старалась заменить ему все отсутствующих родителей, во многом балуя ребенка. Всё ещё красивая, нежная и мудрая женщина стала для мальчика доброй волшебницей, рассказывавшей мифы и обычаи народов мира под видом увлекательных сказок. Она рассказывала внуку о дальних морях и странах, пересказывая не столько то, что можно было прочитать в книгах, сколько рассказы её мужа, объездившего весь свет. Остаётся только сказать, что у мальчика была врожденная способность к исследованию и сопоставле-

нию фактов, а также, непонятно откуда взявшаяся привычка любую теорию воплощать в практику, и детство Мика станет похоже на сказку, возможно, одинокую, но щедрую на чудеса.

Богатство и подспудное чувство вины родителей, которым мальчик умело пользовался, обеспечивали ему легкое исполнение любых желаний. Фехтование и верховая езда, дорогостоящие и редкие книги по магии, – странные, но вполне допустимые для мальчика из интеллигентной семьи пристрастия. Ему же занятия спортом были необходимы. Микаэль рано понял, что всегда будет отличаться от сверстников умом. Кроме того, он был на ступеньку выше многих из них по социальному статусу, да ещё и унаследовал красоту своей бабушки. Такой мальчик нигде не мог остаться незамеченным, тем более, что он не был особенно общительным и обладал свободолобивым и независимым нравом. Друзей, настоящих друзей у него никогда не было.

Его мать умерла очень быстро. Осенью она, как всегда, уехала к морю. Однако в пансионате ей стало хуже, через неделю она слегла, а ещё через две – тихо угасла. Отец даже не успел приехать к ней попрощаться, хотя и мчался на всех парах из заграничной командировки, как только получил телеграмму из больницы. А через год и бабушка ушла к любимому мужу, оставив сына и внука совсем одних. Мик тогда только перешёл в старшие классы. Его не задевало большинство обычных для его возраста проблем, но потеря сра-

зу двух обожаемых им родных женщин стала для него ударом. Отец также тяжело переживал потерю. Он стал чаще бывать дома, и попытался наладить отношения с сыном, с которым они остались жить вдвоем в большом старинном особняке в ближнем пригороде. Но дружбы между ними так и не сложилось, слишком уж разные они были, и слишком поздно начались попытки к сближению. Так что как только Микаэль стал совершеннолетним, отец подарил ему квартиру на самом верху высотной новостройки, мрачной и помпезной. Сам отец так и не смог расстаться с домом, где вырос.

«А память бесценна, как отблеск высокого огня.

Прощенья, прощенья теперь проси не у меня...»² – доносились из магнитолы простенькая песенка, в пустоте вечерних улиц превращающаяся в зловещий хорал.

Потом был университет, на удивление знакомым отца, обошедшийся без финансовых вливаний – молодой человек поступил сам и учился без особых усилий. Однако, это не прибавляло ему популярности.

С самого детства вокруг него было пустое пространство, теперь же казалось, что он сам излучает это одиночество. Красивый, он был холоден как лёд. Сильный, он считал ниже своего достоинства демонстрировать эту силу. Ум-

² «Песня прощения», Роберт Рождественский

ный, он был слишком высокомерен, чтобы искать близости с людьми. Богатый, он не терпел излишеств и не видел смысла в прожигании жизни. Его увлечение мистической литературой матери подкрепилось необычными талантами, которые он легко развил. Но вступать в какие-либо общества, ограничивать себя чуждыми правилами, добиваясь иллюзорной власти, он не желал. Он играл жизнью и людьми, легко подчиняя их своей сиюминутной прихоти.

Но периодически он недоумевал, почему ему, столь во многом превосходящему обывателей, недоступны простые человеческие чувства? Девушки охотно вешались ему на шею, но он сам ни разу не любил. Некоторые, наиболее стойкие и терпеливые знакомые, считали себя его друзьями, но он не чувствовал ни привязанности, ни тепла. Совершенная ледяная кукла, булатный клинок, венец творения безумного мастера. Он не жаждал славы, не желал несметных богатств, не стремился познать все наслаждения мира. Даже любопытство и тяга к оккультным знаниям не были для него ни целью, ни страстью. К чему бы он ни прикасался, чем бы ни начинал заниматься, везде он достигал успеха. Но его самого этот успех не радовал, он казался ему слишком лёгким, победы не имели для него никакой ценности, как, впрочем, и поражения. Ему казалось, что он к своим тридцати с лишним годам испробовал всё в этом мире, по крайней мере, всё, что он не считал ниже своего достоинства, и ничто больше не могло заинтересовать его. Его жизнь была совер-

шенна... И совершенно пуста.

И только сны его были живыми. Он любил музыку и книги – они немного похожи на сны, хотя это и не то. Еще в детстве, прочитав пару умных книжек, и по обыкновению применив прочитанное на практике, он освоил науку контроля сновидений. С тех пор во сне он мог позволить себе всё что угодно, ведь он осознавал, что спит, и что это – его сон, а, значит, он здесь полновластный хозяин ситуации. Он хорошо помнил сны и почти не удивлялся, когда сбывался какой-то из них. Нормальный человек этого бы и не заметил, ведь вещие сны порою снились за несколько месяцев, а то и лет до события наяву.

Наверное, ещё и поэтому ему так ярко запомнился сегодняшний сон. Из-за непривычно полного погружения и отсутствия контроля. Он не только не помнил, что спит, но, даже полностью забыл себя от восторга. Он бродил по улицам незнакомого города, нет, даже Города, любовался лазурными переливами моря, рассматривал ленивые зелёные волны широкой реки, восторженно пялился на невероятные янтарные шпили изящного белого замка на черной скале, возвышающейся над Городом. Он не помнил, кто он и откуда, зато знал, что это ЕГО Город, где бы он ни родился, где бы ни жил. Не хватало только его дома на холме, но он был уверен, что и это устроится рано или поздно, так или иначе, но вовремя. Поэтому он спокойно ходил по мощеным камнями улицам, пил какую-то местную разновидность фруктового чая в уют-

ной забегаловке с верандой из зелёного стекла и с удивлением понимал, что никогда не чувствовал себя так легко и радостно.

Проснулся Мик с тем же чувством и с чётким осознанием: сегодня что-то случится. Он привык доверять таким утренним прозрениям, потому что они ни разу его не подводили. День прошёл как обычно, слегка приправленный нетерпеливым ожиданием чуда. К вечеру нетерпение переросло в легкое раздражение, да ещё и на работе случился скучный мелкопоместный бред, из-за ошибки нетрезвого электрика все почти час просидели без света, разбавляя темноту пустой болтовней о жизни и смерти. А потом, когда электричество включили, как с неба, посыпались дела, и пришлось задержаться.

Поэтому по дороге домой Микаэль рассуждал о несовершенстве людей, особенно четко проявляющемся в моменты осознания скоротечности их жизни.

Как слаб и неуклюже фаталистичен человек, знающий, что жизнь у него одна. Один дурацкий, никчемный отрезок времени, никому, кроме него не нужный, проходящий в судорожных метаниях или сытом сне. Неужели так сложно прислушаться к своему сердцу и узнать, какая она на самом деле, твоя жизнь? Многовековая история радости и скорби, взлетов и падений, накопления опыта, знаний и навыков, периодически прерывающаяся на отдых. Микаэль не помнил своих прошлых жизней, но ему вполне хватало осознания их

множественности.

Солнце давно уже село, но играющая в магнитоле песня о сотнях миль на закат была весьма актуальна – дом, в котором жил Микаэль, располагался на западной окраине города.

Раздражение и усталость прошли, исцеленные музыкой, а ожидание потерялось где-то на подъезде к дому. Миновав пост охраны, он оставил машину на парковке жилого комплекса и пошёл привычным маршрутом. Вместо того чтобы побродить под землей, а потом подняться на лифте, он предпочитал выйти из подземного гаража, обойти дом по тенистому скверу, нырнуть в арку и, пройдя внутренний дворик, войти в свой подъезд.

Но как только он свернул в подворотню, его сердце замерло, и несколько мучительных секунд он вглядывался в темноту, пытаясь выяснить причину этого. У левой стены, прямо на асфальте сидел человек, и судя по тёмным пятнам, окружавшим его на светлой поверхности стены, ему было очень плохо. А судя по ощущениям Микаэля, этот человек обладал невероятной внутренней силой, хотя сейчас был слаб, как упавшая на ладонь снежинка. Мик приблизился к раненому, не чувствуя опасности, и тут же получил невидимый удар, будто кинулся с обрыва в озеро с ледяной водой.

Почувствовав приближающегося человека, раненый поднял голову, и на Мика посмотрели самые прекрасные на свете глаза, с таким выражением отчаяния, боли и твердой ре-

шимости дорого продать свою жизнь, что сердце снова отказалось биться, а тело словно окунулось в звёздный холод открытого космоса, прекрасный и губительный одновременно. Кое-как справившись с нахлынувшими ощущениями, Михаэль негромко и, как можно спокойнее, произнес:

– Не бойся. Я помогу тебе.

Он поднял девушку на руки, удивляясь неестественной легкости её истерзанного тела. Она попыталась сопротивляться, но силы иссякли, и она потеряла сознание. А потом Михаэль неожиданно для себя, совершил совершенно нелогичный поступок. Вместо того чтобы отнести её на пост охраны и вызвать оттуда скорую, пока охранники будут судорожно вспоминать азы доврачебной помощи, он бесшумно прошёл мимо спящего консьержа, поднялся на лифте, еле справился с замком и уложил свою хрупкую ношу на ковер в гостиной. Скорую он так и не вызвал.

Когда-то любопытный маленький мальчик прочитал несколько книг по анатомии и медицине. Позднее, хмурый подросток с удовольствием рылся в древней макулатуре по целительству и радовался любой царапине, чтобы иметь возможность попрактиковаться. Ведь у него действительно получалось лечить людей, используя для этого лишь внутреннюю силу. А теперь, молодой мужчина уверенно действовал, радуясь своей прекрасной памяти и глубоко в сердце истоиво молясь неизвестно кому. Лишь бы помогло, лишь бы он успел! Религией Мик никогда не страдал, но, видимо,

сердечные молитвы сработали – страшные раны на теле девушки стягивались прямо на глазах. Он физически чувствовал, как уходят его силы, но на удивление, его хватило даже на то, чтобы перенести девушку с заляпанного кровью ковра на свою кровать, доковылять до дивана в гостиной и рухнуть на него. Совершенно обессиленный, опустошенный, но, впервые со смерти бабушки, абсолютно счастливый, он мгновенно уснул.

2

«М-мать... Интересно, сколько раз Вик говорил мне, что свои желания обязательно нужно конкретизировать? И почему я его в эти моменты не слушала?» – мысленно матери-лась Анариэль.

Хотела отвлечься от разрыва с Нефом – получи. Отвлек-лась по полной программе.

Такое дело достаётся не каждый день. Анариэль была Хранителем, и в большинстве случаев ей нужно было спа-сать чью-то жизнь. Даже в тот раз с шансоловкой, её задачей было сохранить жизнь носительнице. Но иногда ей приходи-лось исполнять роль палача. И тут был как раз такой случай.

В этом мире жил весьма талантливый маг по имени Ма-грав. В своё время он сделал немало хорошего, в том числе и по отношению к ветру, но с возрастом он потерял рассудок (или только совесть и тормоза, как предполагала Анариэль). Маг захотел, чтобы ему подчинился весь мир, но, не дове-ряя наемной армии, он решил создать себе уникальных при-служников. И создал весьма сильных, устойчивых к магии чудовищ, которым для сбалансированного питания нужно было мясо и, желательно, человечье. И всё было бы хорошо, если бы практичный маг не рассудил, что кормить монстров своими же крестьянами невыгодно. Кто же тогда будет скло-няться пред его могуществом, платить ему дань. В общем,

маг решил проблему кормёжки своих питомцев за счет населения соседних миров. В перспективе он планировал вывести чудовищ, которые сами смогут искать себе пропитание, перемещаясь между мирами. И это уже было слишком, вот ветер и прислал своего воина, чтобы устранить зарвавшегося мага и его выводок.

Выводок девушка оценила, Маграв был действительно талантливым магом. Единственное, что спасало – чудища были глупы и неопытны. На эксперименты с интеллектом у мага пока не хватило времени. С другой стороны, они были отвратительно преданны хозяину. В том смысле, что отвлечь зверушек и по-тихому убрать мага, а потом уже проводить зачистку результатов экспериментов, не получалось. Рядом с магом постоянно крутились его питомцы, так что пришлось выманивать их по одному и убивать. К сожалению, после исчезновения пятого монстра они начали охотиться парами. Это создавало Анариэль определённые трудности. Борьба с монстрами её изматывала, уж очень они были быстры и выносливы, да ещё и разнообразны. Но партизанская тактика, в конце концов, принесла свои плоды. И когда по расчетам Анариэль, у Маграва в подчинении осталась лишь пара монстров, она решила встретиться с ним.

Дуэль вышла не из легких, но ей удалось прикончить двух последних чудовищ и, когда она уже собирала силы, чтобы обрушить на мага мощь ветра, их уединение нарушили ещё две твари. Эти в разведывательных списках не числились

и внешне несколько отличались от других. Пришлось переключить внимание на них. Однако силы были не бесконечны, и Анариэль решила отвязаться от чудищ, перейдя в другой мир.

Маграв спокойно мог перемещаться между мирами, и поначалу девушка искренне надеялась, что поняв, кто за ним пришёл, он дёрнет прятаться в каком-нибудь другом мире. Естественно, такой мощной охраны у него уже не будет, а подкараулить человека на тропах ветра Анариэль ничего не стоило. Но маг был не так прост и только продолжил оккупываться в привычном для него мире.

Теперь же уносить ноги приходилось ей. Анариэль переместилась, и почти сразу за ней в мире появился полоумный маг. Он был очень зол на девушку за убийство его питомцев и не собирался прерывать разборки на самом интересном месте. На это она и рассчитывала и начала наступление. Ей удалось несильно ранить мага, когда на сцене снова появились незнакомые твари. Она выругалась, в сугубо нецензурной форме высказав всё, что думает по поводу мага. Маграв не терял времени даром, он не просто вырастил еще два экземпляра, он вывел чудовищ, способных перемещаться между мирами, пусть пока только по следу хозяина. Эффект неожиданности твари использовали по полной, и, когда Анариэль удалось уничтожить одну из пары, она сама была вымотана до предела и буквально измочалена физически. Ей удалось собрать силы на последний мощный удар и хоро-

шенько зацепить Маграва, но дело было плохо. Нужно было срочно уходить, и поддавшись этому порыву, она из последних сил шагнула на тропы ветра. На то, чтобы сознательно выбрать направление её уже не хватило, и она просто отдалась на волю ветра.

Она оказалась в каком-то незнакомом мире с технической, судя по всему, культурой. Была ночь, людей рядом не наблюдалось, но всё же Анариэль поспешила уйти с открытого пространства и, нырнув в какую-то арку, тихо сползла по стене. Сколько она просидела у стены, она не знала, забытие и боль коверкали время. В какой-то момент она почувствовала на себе чужой взгляд и буквально заставила себя открыть глаза. Смерть она предпочитала встречать в сознании, так вероятность забрать противника с собой была значительно выше. Маграв, настигни он её, наверняка смог бы её добить, но и она в последний момент способна была преподнести ему серьёзный сюрприз. Так что, подняв глаза на обнаружившего её человека, она готовилась к последнему удару.

Но удар не получился, её мысли и ярость упали на полпути, споткнувшись о чуть встревоженный взгляд чёрных глаз. Незнакомец не собирался причинять ей вред, но одно его присутствие заставляло её сердце каменеть от ужаса так, будто она зависла на краю бездны.

– Не бойся. Я помогу тебе, – о, небо, он пытался её успокоить, но эффект от звука его голоса был совершенно про-

тивоположный – к ужасу добавился жар, охвативший все её тело.

Не тратя времени даром, мужчина поднял её на руки, и от его прикосновения девушку пронзила сердечная боль, с легкостью заглушившая боль израненного тела. Но тут, наконец, она перестала балансировать на крае бездны и упала в небытие.

Микаэлю снова снился Город. Но на этот раз он, похоже, стал призраком – его никто не замечал. Впрочем, он не огорчился и направился в полюбившуюся ему забегаловку, с зелёной веранды которой открывался изумительный вид на Город. Усевшись за столиком, он огляделся. В зале не было никого, кроме рыженькой хозяйки за стойкой и хорошо одетого мужчины очень средних лет, в тёмных волосах которого мерцали нити седины.

– Ты такой хмурый, Вик, что-то случилось? – озабоченно спросила рыжая.

– Да, Эри. Был бы жив Фред, я бы пришёл к нему...

– А так, ты пришел к его дочери, – она лучезарно улыбалась, и суровые складки на лбу названного Виком разгладились.

– Ты давно видела Анариэль?

– Месяца два назад. Она всё ещё переживала расставание

с Нефом, вот и улетела куда-то, приводить в порядок растрепанные чувства.

– Да, я тоже тогда видел её в последний раз. Знаешь, ей сейчас очень плохо, я чувствую. Её жизнь висит на волоске.

– Но ты же можешь найти её, – взволнованно выдохнула хозяйка. – Или вызвать Маркуса. Я слышала, он когда-то сдуру ляпнул, что он её амулет. С тех пор он её хоть на том свете найти может.

Мужчина улыбнулся.

– Да, я тоже слышал эту забавную историю, от него же самого и слышал. Но не получится. Я чувствую, что ни я, ни Маркус не сможем сейчас помочь ей. Есть разные границы между жизнью и смертью. И когда на такой грани оказывается сердце человека, никто не в силах ему помочь. Никто.

– Так то человеку. А ветер может ей помочь? – непонятно спросила хозяйка.

Он усмехнулся.

– Ветер... Глупости это всё. Ветер – всего лишь стихия. Она человек, понимаешь, это гораздо больше! Ветер – лишь одна из граней её духа. Может быть, самая очевидная, но это далеко не всё. Благодарю, Эри. Я вот сейчас сказал всё это вслух, и мне стало легче. Этак я каждый вечер теперь буду напиваться в твоём притоне.

– Ну и пожалуйста. В конце концов, Лорд Катарен, Вы – Правитель города, можете себе позволить.

Они оба рассмеялись, и от этой симфонии смеха Мик

проснулся.

Мик проснулся с тяжёлой, гудящей, как с похмелья, головой. Отражение в зеркале над раковиной испугало его самого. Бледная кожа слабо светилась, в чёрных глазах плясало фиолетовое пламя, чёрные волосы лоснились тьмой, поглощающей свет неяркой лампы. Это было как-то нечеловечески красиво и жутко.

Чашка кофе вроде бы исправила положение. Микаэль наконец отвлекся от мистических тревог прошедшей ночи и осознал, что уже полдень. Вчера была пятница, значит сегодня – выходной.

Удостоверившись, что девушка крепко спит, он отправился в магазин. Все-таки в доме раненый, а у него из еды как обычно, был только кофе и печенье.

Проходя арку, он заметил хмурого дворника, оттирающего кровавые пятна. Дворник не обратил на него ни малейшего внимания. Полицейских машин, которых он немного опасался, тоже не было. Ну, это как раз понятно: «нет тела – нет дела», а кровавыми следами мало кого удивишь. Только дворнику пришлось работать в выходной, чтобы элитных жильцов не шокировать. Элитный жилец еле заметно улыбнулся и пешком отправился по направлению к ближайшему супермаркету.

Через сорок минут он уже вернулся домой. Целительство – это хорошо, но ни в одной книге почему-то не описана

методика материализации недельного запаса еды из ничего. Девушка все ещё спала, и он отправился на кухню, готовить. Несмотря на то, что в их доме всегда ошивалась прислуга, бабушка предпочитала готовить сама и его научила.

Он стоял, прислонившись к стене своей спальни, и разглядывал спящую. Ночью сначала было темно, а потом он больше внимания уделял её ранам, чем внешности, хотя посмотреть было на что. Фарфоровая бледность её кожи контрастировала с мягкими волнами волос необычного цвета очень темного серебра. Губы идеальной формы были бледны от потери крови, под глазами залегли тени, хорошо различимые даже сквозь опущенные чёрные ресницы. Хрупкая фигура, тонкие запястья прекрасных рук. Возможно, какому-нибудь моднику она могла показаться непримечательной, некрасивой по привычным меркам, но... Он снова вспомнил её глаза. Две звёздные бездны бескрайнего неба. Как тонкий ценитель искусства и любитель мистики, он не мог не отметить её совершенства. Ему доводилось близко общаться с признанными красавицами, его мать и бабушка были сказочно красивы, но ни у одной женщины до сих пор он не встречал таких глаз, бесконечно глубоких и сияющих невероятно сильным внутренним светом одновременно. Ему снова захотелось в них заглянуть.

Дрогнули ресницы, шевельнулись губы, девушка глубоко вздохнула и проснулась. Она несколько раз моргнула

от яркого света, тёмные глаза медленно обследовали комнату и остановились на нём. Мик решил не дожидаться вопроса:

– Меня зовут Микаэль. Ты у меня дома, в безопасности.

– Я... Мое имя Анариэль. Ты спас мою жизнь... – он впервые услышал её голос. Немного хриплый от слабости, он был тихим и мелодичным, что называется, ласкал слух.

– Я просто исцелил твои раны, ничего больше, – он говорил совершенно спокойно, пристально разглядывая лежащую девушку.

– Нет. Я умирала, я знаю. Если бы я выжила с этими ранами, он всё равно бы скоро нагнал меня и убил, – когда она произносила вторую часть фразы, её голос был слаб и тих, как шелест ветра в листве.

– Кто – он?

– Маграв. Это сумасшедший маг из другого мира, – она замолчала, а Мик пошел на кухню за подносом с едой. Ему требовалось некоторое время, чтобы переварить эту информацию.

Вскоре он вернулся.

– Тебе нужно поесть. Ты очень слаба, – он поставил поднос на кровать, сел рядом.

– Как скажешь. Теперь моя жизнь принадлежит тебе.

Он не обратил внимания на эти слова, помог ей приподняться на подушках, долго и терпеливо кормил её с ложечки приготовленным им питательным супом. А потом она снова

уснула.

Микаэль притащил из другой комнаты старое кресло-качалку и устроился в нём напротив спящей. Теперь он мог спокойно обдумать их короткий, но весьма ёмкий разговор.

Итак, во-первых, её зовут Анариэль. Не далее как сегодня ночью он уже слышал это имя во сне, а, значит... а это значит, что она – дочь правителя Города, который очень волнуется за её судьбу и, похоже, небезосновательно. То, что она из другого мира – это он знал с первой минуты их встречи. То, что мир, в котором он родился – не единственный, его не удивляло, он интуитивно знал это с самого детства. Он никогда до сих пор не сталкивался с иномирянами, но ошибиться было невозможно, она была слишком другая, чтобы родиться под одним с ним небом. Теперь, однако, становилось понятно, почему ему приснился Город, и что это реальное место. Скорее всего, он будет попадать туда во сне до тех пор, пока она будет рядом. Что же, значит надо удержать её как можно дольше. Возможно, если он узнает её ближе, ему даже удастся научиться попадать туда самостоятельно. Этот Город стал очень важен для Мика. Он никогда и нигде не был так счастлив, как просто прогуливаясь по его улицам. И, кроме того, у Мика было странное ощущение, как будто в этом Городе он может найти ответы на все волнующие его вопросы, хотя большую часть этих вопросов он даже не мог толком сформулировать.

Второе – девушка в опасности. И непростой. За ней гонит-

ся какой-то сумасшедший маг, и она уверена в его способности нагнать её даже в другом мире. А это уже очень плохо. Мик не думал о том, что этот маг может быть опасен для него, он беспокоился за девушку. Итак, один раз этому Маграву уже удалось изрядно потрепать её, видимо и сам он после этой битвы не в лучшей форме, но она совсем бессильна и беспомощна. Это надо каким-то образом исправить, и чем скорее, тем лучше!

Покачавшись в кресле еще немного, он решил, что надо делать. Он подошел к девушке, осторожно откинул одеяло, бегло осмотрел места, где были раны. И, удовлетворившись осмотром, положил обе ладони на середину груди девушки, сосредоточился и снова начал исцеление. Прошлой ночью он чувствовал ощущение громадной силы, исходящее от этой хрупкой женщины. И таким своим ощущениям он давно научился доверять. Поэтому он прекрасно понимал, что сила, которую он может передать, ничтожна по сравнению с тем, к чему привыкло её тело. Но надеялся на то, что этой небольшой силы ей хватит для того, чтобы окончательно поправиться и начать восстанавливать свою мощь. Иначе помочь ей он не мог.

Когда он иссяк, он накрыл девушку одеялом, шатаясь, дошел до дивана в гостиной, уже привычно свалился на него и мгновенно уснул. Ему снова снился Город, и он был счастлив.

В воскресенье она проснулась днём, всего лишь на час позже, чем он. Микаэль как раз успел позавтракать сам и приготовить завтрак для неё. Она всё ещё была очень слаба, и весь день провела в постели, но есть уже могла самостоятельно. Судя по тому, что губы её из меловых сделались розовыми, он был на верном пути – его сила пошла ей на пользу. И весь день они разговаривали, точнее, он задавал ей наводящие вопросы, а она отвечала, искренне и подробно. Он уже и забыл, что можно так разговаривать, делаясь с другим человеком всем, что у тебя есть, без недомолвок и намеков.

Она рассказала про свою неудачную охоту на Маграва. Про ссору с возлюбленным. Про город Октавион, в котором родилась и выросла. Рассказала про то, что она – человек ветра, странствующий по мирам воин.

А Мику приходилось отвечать на её полудетские вопросы о его мире. Особенно ей понравилось радио, которое он включил за завтраком и не выключал целый день. Это было особое радио. Микаэль с парочкой своих приятелей, таких же богатых и интеллигентных молодых бездельников, придумали его как-то за бокалом вина. Дело в том, что в большинстве случаев, «музыкальные» радиостанции представляют собой набор усреднённых песен из какого-то одного сектора музыки. Причем, песни эти чудом проскальзывают в перерывах между рекламой, кривляньями каких-то странных людей, называющих себя «ди-джеями», и абсолютно идиотскими программами. Так как молодые люди

предпочитали несколько разных музыкальных направлений, и терпеть не могли весь этот треп, они просто скинулись и организовали свою радиостанцию. Там крутили музыку, которую они любили, или которая им просто нравилась. Причём, как следует, а не по одной песенке каждого исполнителя. Там почти не было рекламы, кроме редкой рекламы их компаний, или компаний их родственников. И пресловутые ди-джеи отсутствовали там как класс. Мик ещё долгое время был доволен их сумасбродной затеей. Тем более, что аудитория оказалась не три человека и канарейка, как предполагалось сначала, а уже под тысячу человек в этом городе.

Как ни странно, Анариэль нравилась та же музыка, что и ему. Она соглашалась со всеми его замечаниями, не протестовала против еды, которую он для неё готовил. Сама она была почти неподвижна, а он заглядывал в её глаза, брал её руки в свои, невзначай касался волос или плеч. Ему нравилось такое положение дел. Эта странная, почти безграничная власть над чудесным и могущественным существом была ему внове и доставляла какое-то острое наслаждение.

С самого детства он искал такую силу. Он верил многим сказкам, гораздо более искренне и истово, чем в того или иного бога. Он до хрипоты спорил с учителями, пытавшимися вдолбить в его голову, что есть живое, а что – нет, что вымышленное, а что – реальное. На учителей не производил ни малейшего впечатления тот факт, что практически все приборы и приспособления, которыми они свободно

пользовались и считали своим бытом, пару веков назад были фантастикой. А ещё пару веков назад даже за идеи о таких вещах могли сжечь на костре. Позже, когда он вырос, он стал встречаться с людьми, достигшими определенных высот в разных областях тайных знаний и духовных практик. Но никто из них не мог сдвинуть гору, в мгновение ока переместиться в другую часть земного шара или достать из воздуха живого слона. Все их достижения казались Мику чем-то мелким, незначительным. Некоторые из них очень обижались на такое отношение, ругая его разными мудрёными словами, брызжа слюной и сыпя проклятиями, а кто-то тихо улыбался ему и соглашался с ним. Кто-то говорил, что такой силой может обладать только бог, но у него было своё отношение к богам, и интуиция подсказывала ему, что все эти мифы и легенды слишком напоминают пиар-акции, чтобы быть чем-то чудесным и недостижимым для человека.

И вот, в его постели лежала женщина из другого мира, мощь которой могла в мгновение ока стереть его мегаполис с лица земли. И ему казалось, что она является для него ключом к совершенно иной жизни, к той силе, которой он так жаждал, к мирам, которые его манили, к познанию великих тайн. И этот ключ был полностью покорен его воле, настолько, что позволить себе Микаэль задуматься над этим на минуту, ему самому бы стало страшно. Но он пребывал в состоянии эйфории, его пьянила сложившаяся ситуация, а когда он лечил свою гостью или отсыпался потом, то ему тем более

было не до размышлений.

Так что, вечером, когда она уснула, Микаэль снова наполнил её своей силой. И опять рухнул спать на диване.

3

Неизвестно, по каким мирам скиталась душа дочери ветра той ночью. Она совершенно не могла вспомнить, что ей снилось, да и предыдущие события вспоминала с большим трудом. Дралась с Магравом, да. Сбежала, да. А дальше? Дальше было что-то совсем смутное, как будто разноцветный туман, а не воспоминания. Но, что бы там ни было, сейчас она чувствовала, что находится в безопасности, и что за ней кто-то наблюдает. Так что пора было проснуться и оценить, где она очутилась.

Она открыла глаза и начала осматриваться. Небольшая комната, светлые стены, тёмный пол, большая кровать, на одной из стен стеллаж с какими-то устройствами, окно, почти во всю стену. А рядом с дверью стоит, прислонившись к стене, хозяин комнаты. Молодой мужчина, высокий, тёмные волосы острижены чуть ниже плеч, очень красивый. Пугающая красота, за такой обычно скрываются либо бессмысленные нарциссы, либо грандиозные сволочи. В любом из миров встреча с женщиной подобной красоты не сулила ничего хорошего. Но сейчас Анариэль было не до того. Она, как зачарованная, смотрела на хозяина комнаты, прямо в его чёрные, жгущие своим интересом глаза, и понимала, что пропадает. Как это, наверное, страшно, встретить человека, который основа твоей жизни. Когда единственное знание того, что он

живёт в каком-то из миров составляет смысл твоей жизни. Когда он течёт в твоей крови, а твое сердце робко бьется в его руках. И если нет его, то и ты исчезнешь, растворись в во тьме Вселенной, потому что то, что заставляет твои атомы держаться вместе, то, что рождает субстанцию, которую кто-то именует твоим сознанием, – это лишь он. Хотя, страшно ей не было, казалось, она просто утратила способность бояться, чего бы то ни было, когда он рядом. Был только ОН, отныне и навсегда.

Какая-то часть её понимала, что то, что она сейчас чувствует, не лезет ни в какие ворота. Человек ветра не может быть так тотально, так убийственно зависим от какого-либо другого человека. Поэтому ей кое-как удалось взять себя в руки, благо, она лежала, и не было видно, как подгибаются её колени, и изобразить заинтересованность окружающим.

– Меня зовут Микаэль. Ты у меня дома, в безопасности, – голос у него был под стать глазам и внешности. Он разил как гром с чистого неба, услышав его, хотелось пасть на колени, просто так, без единой мысли, как падают на колени люди перед алтарем могущественного и близкого бога.

Надо было что-то ответить, хотя, честно говоря, произносила слова она почти автоматически:

– Я... Мое имя Анариэль. Ты спас мою жизнь...

– Я просто исцелил твои раны, ничего больше, – он лгал, он сам ещё не понимал, ЧТО он для неё сделал.

– Нет. Я умираю, я знаю. Если бы я выжила с этими ра-

нами, он всё равно бы скоро нагнал меня и убил, – она чуть не проговорила, ей стоило большого труда перевести разговор на Маграва, и не сказать: «Я умерла, когда ты прикоснулся ко мне».

– Кто – он?

– Маграв. Это сумасшедший маг из другого мира, – она замолчала, достаточно информации на первый раз. Тем более, ей было тяжело говорить с ним. Точнее, ей легко было говорить то, что он спрашивает, но очень сложно не говорить того, что хотелось сказать её сердцу.

Вскоре он вернулся.

– Тебе нужно поесть. Ты очень слаба, – он поставил поднос на кровать, сел рядом.

– Как скажешь. Теперь моя жизнь принадлежит тебе, – она не лгала. Когда твое сердце лежит в чьей-то руке, ты не лжёшь. Сожмёт кулак, уронит, – не имеет значения, ведь оно уже не в твоей груди. Мертвые не лгут и не убегают от источника своего существования, это скажет вам любой некромант.

В понедельник с утра Мику пришлось поехать на работу для того, чтобы оповестить удивленное начальство о том, что он уходит в отпуск. Честно говоря, он и сам давно уже мог стать большим начальником, с его-то связями и способ-

ностями. Но ему не хотелось нести на своих плечах груз ответственности за тысячи людей, за деньги, за престиж, и, в итоге, быть связанным высокой должностью по рукам и ногам. Поэтому он старательно делал вид, что он рядовой менеджер, ну, может быть, несколько полезнее и умнее остальных. И в то же время, у него никогда не возникало проблем с начальством, несмотря на его вольные взгляды на график и дисциплину. Просто начальство всегда помнило, чей он сын, кто его друзья, и что он сам при желании мог бы занять это место.

По дороге домой он заехал в несколько магазинов, чтобы купить продукты и одежду своему неожиданному сокровищу. Не всё же ей заматываться в одеяло, а её одежда превратилась в бурые лохмотья. Заодно он решил сделать ей маленький сюрприз.

Пушистые белые хризантемы чудесно смотрелись в вазе из хрусталя. Анариэль растерянно моргала.

– Знаешь, до сих пор ни одного из моих поклонников мне не удавалось убедить в том, что я обожаю именно белые хризантемы, – говорила она, в очередной раз, вдыхая горький аромат цветов.

– Они постоянно дарили мне розы. Даже Нефа лишь пару раз хватало на то, чтобы подарить мне белые лилии. И то это был подвиг. А вот хризантемы он так и не осилил.

– А мои девушки всегда требовали розы. Скучно, банально и пошло. Мне показалось, что тебе бы подошли хризан-

темы, поэтому я купил их. Я рад, что не ошибся.

– Не ошибся. Не люблю розы. Хотя с годами я с ними и смирилась. Ну, в самом деле, не выбрасывать же подарок человека, если я такая неправильная. И мне нравятся не такие цветы, какие принято дарить.

– И что же тебе нравится, кроме хризантем?

– Ну... огромные белые лилии, которые невыносимо держать дома, ибо в их аромате можно топор вешать. Синие и фиолетовые колокольчики, уж на что лилии похоронные цветы, а их вообще считают цветами смерти и дурных снов. Не знаю, я люблю их. Люблю жасмин и вишню, и черемуху, ни за что бы не стала обламывать душистые ветки, да и другим не позволю, но с радостью бы посадила их рядом со своим домом, если бы таковой имела.

Он действительно был рад, что угодил с цветами, да и с одеждой. И ничто не мешало ему любоваться ею, сидящей на кровати и рассматривающей стоящий на тумбочке рядом с ней букет. Она уже оделась в купленное им легкое платье из белого шёлка. Её руки были подвижны, пальцы порхали, слегка касаясь белых душистых шаров, когда она говорила. И, казалось, она дирижирует неслышной музыке, струящейся от белых горьких цветов. Её глаза светились чистой, неподдельной радостью. Сквозь большое окно на неё изливались солнечные лучи. Казалось, что они пронзали девушку насквозь, легко шевелили её волосы и складки платья. Тонкие пальцы светились мягким бледно-розовым све-

том, нежные губы были изогнуты в улыбке. По светло-серебристым стенам и белому потолку прыгали солнечные пятна, на чёрном ковровине превращаясь в золотые монеты.

Микаэль в своём привычном чёрном костюме неподвижно сидел рядом, чёрным изваянием на белом айсберге кровати. Он заворожено следил за каждым движением девушки, как и она, пропитываясь насквозь светом и терпким ароматом. Осторожно, чтобы не спугнуть момент, он прикоснулся губами к обнаженному плечу девушки. А когда она замолчала, обернувшись и с удивлением заглядывая в его глаза, поцеловал её, ощущая горький привкус хризантем на губах.

Еще несколько дней пролетело в этом городском гибриде рая и лазарета, красивые и недолговечные, как бабочки. Они разговаривали, слушали музыку. Он давал ей кров, пищу и силы. За это каждую ночь ему снился Город, а днём... А днём он был для неё всем: жизнью, повелителем, любовью и неминуемой гибелью, хотя и не мог понять этого.

Её беспомощность и покорность забавляли его. Она ничего не требовала, ничего не просила. Такая непохожая на всех знакомых ему женщин, не из этого мира, кажущаяся чудесным сном, ожившей статуей Пигмалиона. При этом он ни на секунду не заблуждался в оценке своих чувств. Уже довольно давно, в старших классах школы, он окончательно понял, что не может любить. Желание и страсть были ему доступны, хоть и значительно охлажденные его непобеди-

мым разумом. Но он не чувствовал привязанности к окружающим его женщинам. Поначалу это порождало массу проблем, но потом он научился подпускать к себе только тех, кто его не любил, и уходить при малейшем намёке на чувства у партнерши. Единственное, что могло заечь его кровь – были жажда знаний и жажда новых путей. Поэтому сейчас он совершенно не сдерживал себя в этой игре с огнём, хотя и видел прекрасно, насколько девушка влюблена в него, и, как обычно, ничего не чувствовал к ней лично.

А для неё он был Бездной, великой, могущественной, ужасной и притягательной. В этом мире, где шестерни заменили волов, а пойманная молния – человеческую силу. В мире, где слова «маг» и «шарлатан» стали синонимами, родился и вырос мужчина, чья сила была едва не больше её! Когда она впервые увидела его той ночью, когда почувствовала исходящую от него мощь, она так испугалась. В ту ночь она была измотана до предела, и одного его жеста хватило бы, чтобы она умерла. Она смотрела в его глаза, ожидая встретить в них свою смерть. А он поднял её на руки, как подбитую птицу. Он принес её в свой дом, исцелил и дал ей сил. Он мог бы стать властителем этого мира, гением или тираном, если бы захотел. Вместо этого он заглядывал в её глаза, и прикасался к ней горячими тонкими пальцами.

Её силы потихоньку возвращались, и скоро должна была проснуться память. Значит, снова должны были начаться кошмары. Они всегда приходили, стоит ей всерьёз влюбить-

ся. А она даже не влюбилась. Есть в каком-то из языков более точная фраза: она пала в любовь. Если бы он сказал ей выброститься из окна, она бы не раздумывала.

Крылья, её крылья наливались свинцом, стоило подумать о нём. Его поцелуи вливали в её кровь яд. Это было тяжело и больно, но боль можно терпеть. Маг и воин, странница и принцесса, человек ветра, – всё это стало бессильно и бесполезно. Она решила быть его игрушкой, пока он, сам того заметив, полюбит её, не сможет без неё жить. Это правило никогда раньше не подводило.

Очередной день прошёл смытым волной рисунком на песке, таким же прекрасным и недолговечным. Микаэль видел, что его гостья уже почти поправилась. И ему очень не хотелось, чтобы она покинула его дом и унесла с собою сны о Городе, о лучшем из городов. Но как её удержать, он не знал. Он до сих пор не знал, как попасть в Октавион. Когда он напрямую спросил об этом у Анариэль, она улыбнулась и рассказала ему о дорогах ветра, о том, как она сама приходит туда. Но чтобы пройти дорогой ветра, нужно быть ветром, а не человеком. Многие маги находят свои пути между мирами, сходные и отличные от путей ветра. Люди ветра помогают им, охраняют их от роковых ошибок, но никогда не могут подсказать, потому что лишь сам человек может найти свой путь.

Силы девушки возвращались к ней сами, и уже не бы-

ло смысла отдавать ей крохи своих сил. Поэтому Мик просто пожелал ей спокойной ночи и отправился в гостиную. Но на этот раз ему так и не удалось попасть в Город.

Посреди ночи он проснулся от странного чувства звука. Не обнаружив в гостиной ничего необычного, Мик пошёл в спальню, где увидел, как мечется во сне Анариэль. Её губы открывались и закрывались снова, не в силах произнести ни звука, лишь некое подобие крика, не слышимое, но осязаемое. Микаэль выругал себя за казавшееся здравым решение прекратить курс целительства. Он подошёл, сел на краешек постели, положил руку на лоб Анариэль и тихо позвал её. Глаза девушки открылись, но вместо осмысленного взгляда, в них клубились боль и ужас.

– Это был просто страшный сон. Все хорошо, – попытался успокоить её Мик.

Девушка, наконец, увидела его, прильнула к его груди и расплакалась. Он обнял её, гладил мягкие взъерошенные волосы, дрожащие хрупкие плечи, пока она не перестала плакать.

Она ошиблась. Раньше, каждый раз, когда она влюблялась, ей начинали сниться кошмары. Снова и снова во сне она переживала смерть Санси. Снова и снова она боялась, что это произойдет с её новым возлюбленным. Эти кошмары изрядно отравляли ей жизнь, но за прошедшие века она к ним почти привыкла. Однако теперь она знала, что Санси жив, и их недавняя встреча положила конец этим снам, как

и предполагала Анариэль. Но на смену им пришли другие сны. Ей снилась живая вязкая тьма, поглощающая её и Микаэля, топящая их в своем вязком болоте. Снился нестерпимо яркий свет, разделяющий их сначала друг от друга, потом разрезающий каждого на две половинки, снова и снова делящий их, до самых мельчайших частиц, и уносящий эти частицы друг от друга. Одна пытка сменялась другой: они застывали в вечных льдах, сгорали на кострах, опять оказывались объатыми кромешной жадной тьмой и перемалывались светом. Не удивительно, что она кричала во сне, и как же она была благодарна за то, что он смог её разбудить.

Анариэль подняла голову. Слезы вымыли мрак ночного кошмара из ясных глаз, теперь в них было совершенно другое выражение. Микаэль улыбнулся, и это была медленная улыбка землетрясения, вызвавшего мягкую, красивую волну цунами. Ласково взяв девушку за подбородок, он выпил дорожки слез, разбежавшиеся по её щекам. Теперь он знал, как успокоить её, как удержать ветер. Он мягко опустил её на подушки, погружаясь в огонь, сжигающий её тело...

Возможно, это произошло потому, что они оба чувствовали себя в абсолютной безопасности и смогли открыться друг другу, пусть случайно, пусть на миг. А может, это просто судьба, самое беспомощное и банальное оправдание, так часто оказывающееся правдой. Но факт остается фактом. Сила, возвращающаяся к Анариэль, отказывала всякий раз, когда она пыталась прочитать прошлое своего спасителя, как

будто дар прошлого не действовал на этого необычного человека. А когда двое слились в единое целое, дар вдруг сработал. Причем, на обоих сразу.

И, удивленный этим обстоятельством, Микаэль получил прекрасную возможность убедиться, что это был не «просто сон», а неуспокоенное прошлое, эхо давней любви, которая никого не спасла от смерти, и обернулась ужасом в веках. Он теперь многое знал про Анариэль, правда, некоторые фрагменты её памяти проворно спрятались в глубине его сознания, но при желании он мог их оттуда извлечь.

А вот сама Ани узнала немного. Всего одна жизнь Мика открылась ей, ударив ледяным отчаянием на отлёте. Она узнала, что он не может любить, его сердце холодно, немо. Что она для него – только красивый ключ к чудесному городу его снов. Анариэль понимала, что ревновать к Октавиону бесполезно. И ещё она понимала, что это конец. Её сердце было намертво приковано к этому холодному красавцу. Её крылья оказались в свинцовых цепях, а ноги попали в зыбун. Не уйти, не улететь, можно лишь медленно угаснуть, убив в себе ветер и погибнуть страшной смертью без перерождения. И, кричи не кричи, ни отец, ни Маркус не смогут ей помочь, один Ян может разрушить эту цепь, и то, только вместе с ним. Ибо Белому Ветру дано право убивать навсегда. Но Ян не станет этого делать, потому что за все сокровища Вселенной не уничтожит сердца своей сестры.

Микаэль лежал, остановившимися глазами глядя в пото-

лок, и пытался обработать то, что узнал. А Анариэль выбралась из-под одеяла, уселась на краешке кровати – ей хотелось быть как можно дальше от этого человека, но в то же время, её тянуло к нему. Машинально она дала мысленный приказ включиться радио, музыка всегда помогала ей в трудные минуты. Однако приказ сработал только наполовину – вместо любимой радиостанции Мика, заиграло что-то незнакомое.

– Попса какая-то, – не поднимаясь, отметил Мик.

Ани только пожала плечами, стараясь не вслушиваться в жуткие слова: «С небес сорвётся моя звезда и в сердце твоём она растопит хрусталик льда...»³ – дотянулась до приёмника и выключила его.

³ «Ледяное сердце», Т. Буланова, действительно, попса

Она не хотела умирать. Но, как ни кидай кубик – все грани черны, ни одной белой точки.

Крылья больше не держали её. Они обессилели по воле её пленителя, а теперь и вовсе исчезли, оставив только ноющую, как вырванный зуб, память... О, ветер, какой же высокопарной, наивной душой она становилась рядом с ним! Да, она идеализировала их любовь с Нефом, простое, уютное, домашнее чувство. Да, она спала и с другими мужчинами, и не чувствовала себя хоть чем-то с ними связанной из-за этого. А теперь? Что с ней произошло? Почему любимая дочь Вика изъясняется как героиня дамского романа, а не как наемник с вековым стажем? Как же она позволила этому ледяному красавцу завладеть собою без остатка, так, что даже уйти в ветер она теперь не может. Как ему это удалось, и почему, почему выживавшие в самых ужасных передрягах, её стальная воля и гордость улетучиваются, стоит ей посмотреть ему в глаза.

Он не отпустит её. Он не глупец и не благодетель. Его интересует Октавион, и она – лишь средство его достижения. Но пока он имеет над ней такую власть, пока она вздрагивает и тает от каждого его прикосновения, она не сможет пройти дорогой ветра. И значит, она останется здесь, рядом с ним, а ветер будет звать её в дорогу, и потом... О «потом» она

не хотела думать. Её мать когда-то пошла на риск и согласилась на это «потом» ради человека, которого она любила, или ради справедливости, кто знает. Но Вик оправдал её надежды, и она легко отделалась – всего-то парой месяцев медленного мучительного угасания. А когда Вик доказал, что достоин доверия, силы к ней вернулись. А что делать ей? Её крылья перестали слушаться, и ни она, ни он в этом не виноваты. Или виноваты оба, неизвестно. Но если она не сможет уйти, ответив на зов ветра, силы начнут покидать её. Сначала уйдет магия, потом, лишенная крыльев и полета душа, начнёт освобождаться от ставшего помехой тела, вытягивая из него физические силы. Но раз и душа её отравлена им, не может ему противиться, не может его покинуть, то и душа начнёт медленно умирать вместе с телом, вместо того, чтобы оторваться от ставшей обузой плоти. И тогда даже после смерти она не сможет вернуться к ветру. А если человек, заключивший договор, разорвёт его... Его больше не будет. Нигде, никогда.

Но, кажется, выход все-таки есть. Она не зря все это время чувствовала себя в полной безопасности, хотя, по идее, Маграв мог разыскать её в любой момент. Микаэль – очень непростой человек, его окружает какая-то защита, настолько мощная, что даже она, по всем параметрам выделяющаяся среди людей этого мира, становится невидима за ней. Пока она с ним рядом, её невозможно обнаружить, но такая защита обычно имеет очень ограниченный радиус действия. Зна-

чит, ей пора побродить по этому миру, желательно, подальше от своего мучителя. О других мирах и думать нечего в таком состоянии, связанной по ногам и рукам, ей уже не удастся выбраться. А так – и она осмотрит достопримечательности, и Маграв получит возможность её найти и убить. Она всё ещё надеялась, что смерти удастся разделить их. Или же в следующей жизни она что-нибудь придумает. По крайней мере, если она падёт в битве, эта самая следующая жизнь у неё будет.

Решиться на побег было сложно. Её привязанность к этому мужчине стала поистине чудовищна, но Анариэль прекрасно знала, что её ожидает. В отличие от своей матери, потому что даже самый упертый Воин Ветра не решился бы повторить такой эксперимент дважды. А она уже ходила по этим граблям. Тогда она так глупо попала в ловушку... Впрочем, ей совершенно не хотелось вспоминать ту жизнь. Дело в том, что человек ветра, лишенный дороги, не просто умирает. Он не только теряет силу, сначала ветра, а потом и физическую, но, если его душа не способна оторваться от тела, она также начинает разрушаться. Остаётся разум, но у него появляется серьезная проблема: от страшных мучений души и тела, от проявляющейся в таких ситуациях острой клаустрофобии, от оторванности от всего самого дорогого, что у него есть (то есть, дороги и ветра), – он просто сходит с ума. Душа полностью обессиливает, как правило, первой. Потом ломается разум. Может остаться отныне

безумное тело, но и это ненадолго. А потом приходит свобода. Полная, безграничная и безнадежная свобода разрушенной личности, обладающей силой стихии, ведь плена больше нет. Ураганы, бури, тайфуны, – страшные, сметающие города и страны, питающиеся чужими смертями или тем острым чувством, когда всё живое освобождается от жизни. Да, это то, во что превращается обезумевший человек ветра. Отныне и навсегда, потому что таких не терпят. И в бой идут Палачи, убивающие навсегда, ибо только они могут остановить бешеную стихию. Об этом обычно не говорят. О таком никогда не говорят новичкам. Только всё равно, каждый рано или поздно сталкивается с этим. И если один раз ты прожил такое сам, то ты скорее найдешь способ самостоятельно перегрызть себе горло, чем пойдешь по этой тропе снова.

Поэтому следующей ночью, когда Микаэль заснул, она тихо оделась и бесшумно ушла из его квартиры и жизни, надеясь, что навсегда.

Когда Микаэль проснулся, то почувствовал, что квартира опустела – Анариэль ушла. И записки она, конечно, не оставила.

Весь день он пытался её искать. Нарезал по городу круги на машине, прислушиваясь к своим внутренним ощущениям, но не слышал ничего. Вечером, уже дома, он пытался

отвлечься от этой проблемы, сказав себе, что и не надеялся на то, что она задержится у него надолго. Но даже думать о чем-то другом у него не получалось. И это было странно, ведь раньше он таким не страдал. Раньше. А действительно, что было раньше?

Микаэль прекрасно помнил, что часть воспоминаний девушки той ночью прошмыгнули мимо его сознания, но это было дело поправимое. И раз заняться чем-то другим не получалось, он сосредоточился и принялся выуживать чужую память на свет. Как мог, как умел, а мог и умел он достаточно много.

Итак, вот он, первый пробел. Что тут у нас? Опаньки! Миловидный мальчик лет двадцати. Что-то в нём знакомое. Мик внезапно понял, что не просто знакомое – это он, только несколько веков и жизней назад. Близорукие от постоянного чтения при ненадежном свете свечи глаза и мягкость мальчишеского лица дела не меняли. Значит, они с Анариэль встречались и раньше. Интересно, и что же тогда произошло? Память снова пыталась заартачиться, но Мик упрямо полез дальше. Надо же! Кроме всего прочего, он тогда её спас от гибели. Веселое у него хобби, ничего не скажешь. А вот ещё какой-то странный разговор с другом Анариэль, высоким, белобрысым, с нечеловеческими янтарными глазами. И этот друг сказал, что за спасение её жизни, в будущем он станет также воином ветра и её учеником.

Микаэль хмыкнул. Видимо, пророчество не сбылось.

А ну-ка посмотрим, что там дальше за пробел? Память сопротивлялась, но не устояла перед напором любопытного Мика. Ничего себе! Герцог, ни больше, ни меньше. На этот раз он узнал себя почти сразу. Да и по характеру герцог был ближе к нему, чем тот мальчик. Вот они встретились с Ани, вот она пытается его убить, а вот... Микаэль почувствовал, что впервые в жизни краснеет. Да, как честный человек, после такого он обязан был жениться. И женился. Счастливые сцены семейной жизни перемежались разлуками и препонами, чинимыми врагами. А вот тут она чего-то испугалась, сложно понять, чего именно, и удрала. Знакомо. Микаэль вдруг почувствовал боль и одиночество покинутого герцога. Не лучшее переживание. Честное слово, это было весьма жестоко с её стороны.

Но ведь было ещё что-то. Какой-то крошечный осколок памяти. Не встреча даже, а проекция пересечения мыслей во сне. Вот он, дрянь вертлявая, попался! Не хочет открываться, ничего, сейчас попробуем по-другому. Теоретически, Микаэль знал, что весь опыт прошлых жизней может быть открыт человеком. И теперь он потянулся к кусочку памяти Анариэль со стороны своего опыта. Если она помнит те события, значит, и он должен что-то помнить. В охотничьем азарте, забыв про осторожность, он кинулся вглубь своей памяти и жизней...

Утро заглянуло в комнату, яркими лучами пробралось

под веки, заставив Сказочника вынырнуть из глубины сна. Он лежал, невидящими глазами уставившись в потолок и пытаясь привести в порядок собственные мысли, запутавшиеся в нитях сна и паутине чужих воспоминаний.

Вчера вечером он с упоением рассуждал, как здорово было бы поучаствовать в событиях, о которых рассказывал Лоддинг. А сегодня ночью он на своей шкуре узнал, какво это.

Это был странный сон. Яркие картинки, фрагменты истории Скайлен не просто мелькали перед его глазами. Он был участником этих событий. Получил доступ к воспоминаниям, чувствам и мыслям своего героя.

Герой... Да, лучшего слова не найти.

Холодные капли стекали по лицу. А он смотрел в глаза своего отражения в зеркале над умывальником. В чёрных зрачках проснулось фиолетовое пламя. Такое же пламя он видел в своих глазах три года назад. Он ещё не ушёл ОТТУДА. Он всё ещё был ТЕМ, просто ему стали сниться странные сны. Сны, в которых было только небо и она. Облик ускользал, в памяти оставались только глаза. Это были просто сны, после которых он покинул свою страну, оставив магию, карьеру и могущество, немногочисленные привязанности и сочувствие во взгляде единственного достойного противника. Оставил свой мир, последними силами устремившись, куда – неважно, лишь бы она была там.

И она действительно была здесь, только лет на двести

раньше тебя.

– Ничего, как-нибудь нагоним, – усмехнулся он своему отражению.

Фиолетовые бабочки кружили над столом. Они всё утро не приближались к нему, словно опасались увязнуть в липкой паутине необычного сна.⁴

На ватных ногах Мик добрался до кровати. Рухнул на неё, мокрый от пота. Его била крупная дрожь. Люди называли его Сказочником, но у него было и другое имя. Он это помнил. И всё бы ничего, но магу и разрушителю, этакому Всаднику Апокалипсиса, иногда снились сны, сродни их с Ани опыту случайного обмена памятью. Вот эти сны и подействовали на Мика как прямое попадание молнии. В этих снах всегда была Анариэль, и каждый раз эти сны заставляли Сказочника резко менять свою жизнь. А один из этих снов...

– Господи, – думал Микаэль, – никогда не задумывался, есть ли ты. Но иначе и быть не может. Если Ты слышишь, пусть она простит меня. Я готов отдавать свою жизнь за неё по сотне раз на дню, но пусть, смотрясь в зеркало, она никогда не видит спесивого ублюдка и кровавое тело на снегу! Хотя, раз это могу помнить я, значит и ей когда-то придется вспомнить. Я же даже не могу её любить. Я отдал своё сердце за возможность её встретить. И вот, встретил. Пусть она живёт, Отец! Пусть живёт и не вспоминает меня, дурака!

⁴ это фрагмент второй истории о людях ветра, «Сон»

Маграв нашёл её через день после того, как она покинула квартиру Мика. Ей пришлось перебраться на другой край огромного города, только здесь, на пустыре, среди куч строительного мусора, она почувствовала себя полностью открытой и стала ждать. Они появились всего через час. Сначала из воздуха соткался маг, а за ним неуклюже выпрыгнула в этот мир оставшаяся в живых тварь.

– Что, подстилка ветра, вылезла из норы? Значит, будешь сейчас умирать, – выкрикнул сумасшедший.

Впрочем, Анариэль не имела ничего против того, чтобы умереть, и даже этот загаженный пустырь казался ей подходящей декорацией для этого. А хорошо, что маг не успел или не сумел наделать ещё чудовищ, способных перемещаться между мирами, все-таки нужно не только умереть, но и его прихватить с собой. Чтобы подбодрить противника, а заодно, прояснить ситуацию, она крикнула в ответ:

– Не дождёшься, бесноватый! Что одну суку с собой приволоку, кобелей ей наделать времени не хватило, или ума?

Грубость подействовала. Повинуясь мысленному приказу мага, чудовище двинулось в бой. «Значит, всё-таки времени», – подумала Анариэль. Она выставила руки перед собой, растопырив ладони, и с кончиков её пальцев сорвался десяток шаровых молний. Очень быстро они настигли цель

и взорвались у морды чудовища. Они его даже не ранили, но Анариэль, успевшая познакомиться с устойчивостью таких монстров к магии, на это и не рассчитывала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.